

A woman with long, wavy brown hair is shown from the back, looking out over a coastal landscape. She is wearing a white, off-the-shoulder dress with puffed sleeves and a lace-up back. The background features a blue sky with a white dove in flight, a blue sea, and a rocky coastline under a bright sun. The overall mood is serene and romantic.

Мария Хомутовская

Поверь
в легенды
Приморья

Лорейн
значит чайка

Мария Хомутовская

Лорейн значит чайка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69923572

SelfPub; 2023

Аннотация

По давней родительской договоренности ританка Лорейн должна выйти замуж за сына тусского графа из далекого Приморского края. В окружении диких лесов и чужих людей Лорейн сталкивается с холодностью и пренебрежением мужа. Но однажды ей в руки попадает книга о природе Приморья, с этого дня она разыскивает растения из книги, а ее верными спутниками на тропах тайги становятся планшет для рисования и невероятные легенды. А самая удивительная легенда – о Птичьей скале. Может быть, путешествие к ней поможет Лорейн обрести счастье? Вот только тайга сама решает, кому и когда открыть свои тайны. Обложка создана с помощью нейросети Midjourney

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Птичья скала	9
Глава 2. Померанец	23
Глава 3. Аризема амурская	44
Глава 4. Шиповник	60
Глава 5. Императорский тигр	70
Глава 6. Сердечник пурпуровый	86
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Мария Хомутовская

Лорейн значит чайка

Пролог

В гостиной мадам Бердже было накурено. Сизый дым скрывал от глаз гостей позолоченные светильники и картины с батальными сценами. Офицеры всех мастей, светские дамы и их высокопоставленные мужья уже порядком накачались вином, и веселье было в самом разгаре.

Лорд Джереми Бриголь сидел за игральным столом с капитаном Куприяновым и невысоким молодым офицером, имени которого никак не мог запомнить – они познакомились всего партию назад. Впрочем, Бриголь считал, что не стоило утруждать себя подобными мелочами. Его соперником был граф Куприянов, а не этот мальчишка.

– Раздавайте, милсдарь! – еле ворочая языком, велел Куприянов.

А сам уселся, подперев рукой щеку, чтобы голова его не упала на стол.

Офицер принялся ловко тасовать колоду.

В этой унылой гостиной Бриголь скрывался уже который вечер. Его жена недавно родила, и его жизнь после этого события стала совершенно невыносима. К счастью тещь-ди-

пломат быстро организовал ему поездку в Питербурх по делам. Дела давно были сделаны, но домой Бриголь не торопился. Чтобы забыть о семейных неурядицах, лорд просаживал приданое жены за новомодной игрой в покер.

– Спасибо, – бросил он офицеру, взяв карты.

– Павел Эрдман, – улыбнулся тот. – Я вижу, вы не запомнили имени.

– Как скажете, – лорд подвинул фишки. – Даю сотню.

Куприянов растерянно заморгал, уставившись на карты, а потом бросил их на стол, выругавшись по-тусски. Он поднялся и, бормоча ругательства теперь уже по-бранцузски, удалился.

Бриголь тяжело вздохнул и тоже отложил карты. Но увидев, что офицерик удивленно поднял брови, сказал:

– Полагаю, партия окончена!

– Вы не хотите играть со мной? – поинтересовался тот.

Глотнув шампанского из высокого бокала, Бриголь ответил:

– Боюсь, вы не сможете тягаться со мной ни по части сумм, ни по части изобретательности, мистер.

У офицера покраснели уши.

– Мне показалось, или вы только что сказали, что я слишком беден и глуп, чтобы играть с вами, милсдарь? Не будь вы ританцем, я бы немедленно вызвал вас!

Замутненный алкоголем мозг Бриголя выудил из его слов мысль о дуэли и рассмотрел её со всех сторон. Нет, эта неле-

пая тусская забава не поможет ему. Позволить какому-то деревенщине застрелить себя? Ну уж нет! Размазать это ничтожество по игральному столу – гораздо приятнее.

– В Туссии стреляться запрещено с прошлого века, – сказал он, – так что предлагаю вам, мистер Арман, устроить карточную дуэль. Играем! Но учтите, что в Ритании к карточным долгам относятся очень серьезно!

– В Туссии тоже! И моё имя – Павел Эрдман, – сказал офицер. – Хочу, чтобы вы запомнили того, кто поставит вас на место, милсдарь.

Бриголь лишь усмехнулся и бросил фишки на стол.

– Поднимаю на три сотни.

Игра продолжалась до глубокой ночи. Мадам Бердже даже подошла спросить, не желают ли они удалиться, но Бриголь прогнал её. Он был в бешенстве: Эрдман выиграл у него баснословную сумму.

– Ты мошенник! – выкрикнул он, глядя как Эрдман в очередной раз сгребает все фишки себе. – Жалкий тусский солдат не может так хорошо играть!

– Вы всегда могли остановить игру, сэр Джереми, – самодовольно усмехнулся его противник. – Вовсе не обязательно было отдавать мне все свое состояние.

– Нет, ещё круг! Я отыграюсь! – взревел Бриголь, весь красный как рак.

Тот, кто хорошо его знал, понял бы, что спорить с ним

сейчас бесполезно.

– Ну нет, – отвечал Эрдман. – Закончим на этом.

– Ах ты шарлатан! Я сказал: ещё один последний круг!

– Мне кажется, уже достаточно.

Бриголь даже вскочил:

– Раздавай, наглец!

Эрдман смотрел на него с нескрываемым превосходством.

– Если только вы сможете предложить мне что-то поинтереснее денег.

– Поинтереснее денег? – удивился лорд.

– Вы верно сказали: я простой тусский солдат. Вот если бы я породнился с уважаемым ританским лордом, это помогло бы моему сыну пробиться в жизни.

– Породнился? – вытаращил глаза Бриголь.

– Да, милсдарь. У меня двухлетний сын, а у вас, я слышал, недавно родилась дочь, – заявил этот паршивец.

Но внезапно Бриголь понял, что это не такая уж плохая идея. Он сел обратно и сказал:

– Тогда вот что: все, что я сейчас проиграл, станет её приданым. Выиграешь – получишь дочь и деньги, а нет – как говорят у вас, не обессудь.

Эрдман поразмыслил и сдвинул фишки в общую кучу.

– Идет.

– А если я выиграю, – прошипел Бриголь, – Ты сделаешь для меня кое-что.

– Что же? – он уже раздавал заново.

– Убьешь одного человека!

Рука Эрдмана замерла над картой. Он поднял глаза на соперника.

– Убью?

Дав наконец волю снедавшей его ненависти, лорд быстро и отрывисто зашептал:

– Он тоже тусский офицер, служит в энском полку. Мне все равно, что ты сделаешь, но если я выиграю, он должен умереть! На другие условия я не согласен!

Его противник задумался.

– Ну что ж... Всё или ничего. Идёт! – кивнул Эрдман, и карты снова замелькали на столе.

Глава 1. Птичья скала

С давних времен люди знали, что существуют на земле особые места, где человек может черпать силу из природы. Их так и называют «местами силы». К ним совершают паломничества, проторя тропы даже в диких лесах или высоких горах. Многие люди приходят припасть к их источнику. Но бывает и так, что значение места понимает лишь один человек.

Арсений Клавдиевич Владимиров «Земли Приморья и их обитатели»

Лорейн стояла на краю скалы. На многие мили вокруг простирался океан. Бриллиантово сверкающий в лучах солнца, отливающий синевой и непостижимо огромный, он был прекрасен! У неё захватывало дух от этого зрелища, хотя она часто бывала здесь и могла бы привыкнуть. Но нет, стоило встать поближе к краю и посмотреть прямо перед собой, и от восторга наворачивались слезы. Солёный ветер ласкал волосы, принося свежий, пропитанный йодом дух моря. А прямо у её ног скала обрывалась, туда смотреть опасно. Но Лорейн знала, что где-то далеко-далеко внизу волны с мерным шумом бьются о каменистый берег.

Лорейн переполняло счастье. Просто от того, что она здесь. Это было её любимое место во всем мире. Хотя, при-

знать, за свои двадцать лет она видела слишком малую часть мира, чтобы так говорить. Но во всей округе точно не найдется пейзажа, похожего на этот. А ведь океан видно почти из любой точки поместья и деревни.

Наверное, у этого места было раньше другое название, но теперь его величают не иначе как «Птичья скала». По легенде если спрыгнуть отсюда вниз, то обернешься птицей. Может быть, чайкой.

Лорейн медленно отступила от края.

Словно дождавшись этого момента, со склона уже бежал Лис – рыжий пёс породы сеттер. Весело виляя хвостом, он подскочил к хозяйке, и Лорейн потрепала его по загривку.

– Пойдем, Лис! Пора домой!

Услыхав «домой», пёс тьякнул и потрусил с горы по едва заметной тропинке. Лорейн подхватила лежащий на земле альбом, между страниц которого прятались несколько найденных сегодня цветков, и двинулась за другом. Нельзя было опаздывать к обеду.

Лорейн была старшей из трёх дочерей лорда Бриголя. Но иногда ей казалось, что она попала в эту семью по ошибке. Её сестры любили светские развлечения, которых в их отдаленном имении было не так уж много. Ради посещения бала они готовы были проехать сотню миль по тряской дороге. Ради нового платья они пожертвовали бы ночью сна.

Лорейн готова была пройти сотню миль пешком, но только ради потрясающего вида с холма или необычайно редкого

цветка. С самого детства её тянуло к природе.

Несмотря на покладистый характер, она доставляла нянькам больше хлопот, чем сестры. В то время, как Элизабет и Мария исправно учили этикет и играли на пианино, Лорейн могла обнаружиться в саду на яблоне с упоением изучающей прожилки на листе или яркого жука. В её непослушных каштановых волосах частенько запутывались травинки, а карманы были полны камешков и сухих листьев. Няня не раз разыскивала её до темноты по всей округе, чтобы потом отчитать за чёрные от земли ногти и измазанное платье.

Любимым предметом Лорейн было естествознание. Она заставляла своих учителей подробно рассказывать, где растёт подорожник, а где – лотос, что такое чернозём, и почему у них в саду нет тех потрясающих цветов, которые она видела на картинках книг. С большим трудом удавалось переключить её интерес на математику или литературу. Вместо нахождения суммы и разности, Лорейн рисовала в тетрадях поразительно точные изображения цветов и трав. А в романах с упоением читала описания природы.

Леди Бриголь поощряла увлечение дочери рисованием. Под этим предлогом Лорейн уговаривала мать заказывать для неё книги по ботанике и географии. В детстве она мечтала объехать весь свет, отыскать и нарисовать самые необычные растения. Но чем старше становилась, тем сильнее мать старалась внушить ей, что единственным достойным занятием для девушки её круга было выйти замуж и воспитывать

детей, а интерес к травам и цветам навсегда останется лишь приятным увлечением.

Лорд Бриголь, похоже, не поддерживал желание жены выдать дочь замуж. Как ни противилась Лорейн, ей иногда приходилось посещать приемы. Она была довольно мила, неглупа и имела за собой хорошее приданое. Так что после этих визитов, к ним непременно навевывался кто-нибудь из соседей с предложением выдать юную Бриголь за своего сына. Однако, отец всем отказывал. Он говорил, что ей рано думать о замужестве, хотя многие её ровесницы уже нянчили детей. Поэтому у Лорейн сложилось впечатление, что отец считает её негодной для роли жены, и она легко смирилась с этим.

К счастью, отцу не было дела до того, чем занимается дочь в свободное время. Иногда он довольно равнодушно интересовался ее успехами в учении или просил спеть или сыграть для гостей на пианино. Большого от юной леди, по его мнению, не требовалось. Единственным школьным предметом, привлекавшим его внимание, было изучение языков. В прошлом дипломат, лорд Бриголь считал позором, если его дети помимо родного ританского не смогут свободно изъясняться хотя бы на тусском и бранцузском. К счастью, у его дочерей были способности к языкам, они давались девочкам почти без труда.

Отца не волновало, что Лорейн не играла ни в одну из подаренных им кукол, предпочитая уткнуться в учебник по

ботанике. Он не знал, что перед вечерним выходом к гостям в изящном платье она прошагала много миль по скалистому берегу, чтобы пробраться незамеченной в бухту и позволить прохладным волнам коснуться её ног.

А когда до отца стали доходить слухи, что Лорейн видели одну довольно далеко от дома, она завела охотничью собаку – Лиса. Охотиться Лис не умел, а его хозяйка – не любила, но без прогулок пёс жалобно выл и скучал, и у Лорейн появился прекрасный повод бродить по окрестностям.

Сейчас они возвращались с одной из таких прогулок. Впереди за очередным холмом уже показались стоящие на разном уровне, и потому похожие на древний замок, постройки имения.

Поместье лорда Бриголя располагалось за деревней, которая по традиции носила его имя – Бриголь. Дом стоял на холме, хотя называть здешние каменистые возвышенности холмами никто бы не стал. Хоть и низкие, но всё же это горы. Яркая молодая зелень перемежалась с серыми насыпями, ковром покрывая склоны. Дорога петляла между ними серебристой змеей. За каждым поворотом открывались новые великолепные виды.

Лорейн любовалась родными краями, просыпающимися после зимней спячки, и предвкушала новое, полное цветов и зелени, моря и солнца, рисунков и мечтаний, лето.

Оставив верного Лиса на псарне с отцовскими гончими,

Лорейн двинулась в дом. Едва её запыхавшиеся туфли коснулись начищенного пола в холле, как к ней подлетела мать.

– Лора! Тебя ждёт отец!

В отличие от дочери, которая носила свободную блузу и практичную юбку, не отличавшиеся аккуратностью, Ванесса Бриголь всегда выглядела безупречно: платье с узкой юбкой и слегка старомодный корсет подчеркивали стройную фигуру, из высокой причёски не выбивалось ни волоска и, уж конечно, её туфли всегда блестели. Если бы не поразительное сходство лиц, нельзя было бы предположить, что они мать и дочь.

Взволнованно оглядев Лорейн с головы до ног, леди Бриголь решительно заявила:

– Нет, к нему нельзя в таком виде! Иди скорее переоденься! А потом – в кабинет!

– А что случилось? – растерянно пробормотала Лорейн.

Отец крайне редко приглашал дочерей к себе, и обычно ничего хорошего такая беседа не сулила.

– Не знаю, но, если отец просит явиться к нему срочно, значит, на то есть причина! – говорила мать, подталкивая её под локоть к лестнице на второй этаж.

Лорд Джереми Бриголь не отличался теплотой и внимательностью. Даже с родными он проявлял жёсткость, порой граничащую с жестокостью. Всегда четко зная, как поступить, он не терпел прочих мнений. А добиваясь своего, не гнушался любыми методами.

Но Лорейн с детства казалось, что к ней он относится особенно строго. Перед ним она испытывала трепет, даже страх. Поэтому она ужасно волновалась, походя к двери его кабинета.

Замерев перед дверью, Лорейн оправила чистое зеленое платье, которое второпях надела, глубоко вздохнула и протянула руку к бронзовой ручке. Но не успела взяться за неё, как дверь распахнулась, и навстречу вышел высокий светловолосый мужчина лет сорока – Эшли Уайт, помощник отца.

– Доброго дня, мисс! – улыбнулся он, придерживая перед ней дверь.

В отличие от лорда Бриголя, он всегда бывал мил и приветлив.

– Здравствуйте, – пробормотала Лорейн, слишком поглощенная мыслями о предстоящей беседе.

Проскользнув мимо него, она оказалась в кабинете.

Здесь царил идеальный порядок: книги выстроились на полках, как солдаты на параде, массивный стол занимал положение строго по центру комнаты, карта мира на стене точно вписана по ширине, кажется, даже дрова в кованой дровнице рядом с камином подобраны чётко по размеру. Именно таким Лорейн и помнила кабинет, с прошлого раза здесь ничего не изменилось. И неудобное ощущение страха и собственной ничтожности тоже было точно таким же, как в детстве.

Лорд Джереми Бриголь стоял у письменного стола. Заме-

тив дочь, он лишь коротко кивнул:

– Лорейн.

– Здравствуйте, отец, – опустила она глаза.

С колотящимся сердцем Лорейн ждала, что он скажет. В голове проносились мысли о том, что он узнал о её недавнем визите в бухту, из-за которого она опоздала на званый обед, или о её вчерашнем обмане: она прикинулась больной, чтобы не ехать на ужин к соседке.

Лорд Бриголь взял в руки лежащее сверху толстой книги письмо, но не прочёл, а стал говорить, держа его в руке. Лицо отца, точно высеченное из местной скалы, было непроницаемо, как всегда.

– Лорейн, ты скоро выходишь замуж, – твёрдо сказал он. – За графа Эрдмана-младшего.

Лорейн показалось, что отец вылил на неё ведро холодной воды. От изумления она подняла глаза и уставилась на него.

Она – замуж? Вот так, ни с того ни с сего? А как же знакомство с женихом и прочие обычные церемонии? Этот краткий отцовский приказ и есть её помолвка?

Огорошенно моргая, Лорейн не решалась произнести ни один из своих вопросов вслух.

– Владения графа Эрдмана расположены в восточной части Тусской Империи, – бесстрастно продолжал лорд Бриголь, словно проводя ей урок географии. – В Приморском крае.

Приморский край! Это же другой конец света!

– Добираться туда тебе предстоит пароходом. Я уже договорился с Эшли, чтобы он тебя сопровождал. Выбери себе хорошую горничную, которая также поедет с тобой.

Лорейн не могла вымолвить ни слова. Однако, сдвинувший брови лорд Бриголь, видимо, ожидал от неё какого-нибудь ответа.

– Почему он, отец? – только смогла выдохнуть она.

Она в жизни никогда не слышала ни о каком графе Эрдмане, а тут он свалился как снег на голову!

Лорд Бриголь поморщился, будто она произнесла несусветную глупость.

– Я получил письмо от Эрдмана-старшего, мы были знакомы в молодости, – скривился он. – Он припомнил наш с ним уговор двадцатилетней давности. В свое время я проиграл ему пари и пообещал, что отдам его сыну в жены старшую дочь.

Лорейн побледнела.

Не было никаких сомнений в том, что если отцу вздумается выдать её замуж, то он сам выберет ей жениха. Но Лорейн полагала, что основанием для выбора станут достоинства молодого человека или положение его семьи в обществе. А никак не давнее пари! Отец проиграл ее в карты!

– Твой отъезд через пару недель, – продолжал лорд Бриголь с каменным лицом, положив письмо на стол. – У тебя есть время подготовиться.

Лорейн открыла рот, ещё не зная, что собирается произ-

нести, но отец не дал ей права голоса.

– Свадьба состоится сразу по прибытии, – отрезал он. – А сейчас – ступай!

Разговор был окончен.

Лорд Бриголь тут же отвернулся, явно не ожидая от дочери возражений. В животе Лорейн скрутился тугой узел, в глазах защипало, но, глядя на равнодушный затылок отца, она так и не рискнула ничего сказать.

Дрожащими руками она взялась за бронзовую ручку и открыла дверь.

В коридоре поджидали сестры. Видимо, слуги разболтали им о её беседе с отцом. В глазах девушек читался вопрос, но Лорейн не смогла выдать ни слова. Она развернулась и бросилась бежать по коридору.

Лорейн лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку и рыдала, когда скрипнула дверь и послышались шаги Ванессы. Лорейн чувствовала, как мать села на край постели. Сжав руки в кулаки, Лорейн пыталась найти в себе силы попросить её уйти. Но мама мягко обняла её и развернула к себе, заставив сесть. Лорейн хмуро глядела на спокойное красивое лицо, пока леди Бриголь приглаживала её растрепавшиеся волосы.

– Ничего, Лора. Замужество – это не так уж страшно, – произнесла мать, грустно улыбнувшись.

– Мама, он отдал меня неизвестно кому! Да ещё на другой

конец света!

Нежные мамины руки вытирали слёзы на щеках.

– Не говори так! Это обычный брак по договоренности, – сказала леди Бриголь. – А другой конец света... Может быть, для тебя это к лучшему: тебе там будет интересно. Ты сама показывала мне книги про женщин, которые путешествовали и рисовали, теперь ты сможешь быть одной из них! Нарисуешь новые пейзажи, пока плывешь на пароходе! Увидишь новые земли!

Лорейн поняла, что совершенно не подумала об этом. Ее мысли занимал образ нежеланного жениха и строгий отцовский приказ. Но если взглянуть на ситуацию с другой стороны...

То мама права! Путь в Туссию может стать самым ярким опытом в жизни, который будет скрашивать долгие зимние вечера в чужом доме с чужими людьми. Ведь и здесь ей рано или поздно пришлось бы уехать из родного дома...

Слезы Лорейн понемногу высохли. Она вытерла лицо и села, обхватив руками колени.

– Знаешь, о нашем браке с твоим отцом тоже сговорились родители, – продолжала мать. – Мы лишь пару раз встречались до свадьбы на светских приемах. Тем не менее, мы вместе много лет, и я не могу назвать нашу жизнь несчастливой.

– И ты любишь его? – затаив дыхание, спросила Лорейн.

Ей искренне хотелось знать, как можно любить такого холодного, бесчувственного человека, занятого лишь делами,

но при этом контролирующего всех и вся.

– Конечно люблю, дорогая! – улыбнулась мать, но Лорейн прочла в её улыбке какую-то печаль.

Она поджала губы:

– Но ваши родители хотя бы знали друг друга, а меня отец отдаёт за первого встречного! Он не видел этого Эрдмана двадцать лет! Что он может знать о его сыне?

– Дорогая, Роберт Эрдман молод, богат и образован. Таким набором качеств не многие могут похвастать. Конечно, проблемы будут, но при мудром поведении их всегда можно решить.

Лорейн была с ней не согласна. В французских романах, которые она тайком читала, любовь вспыхивала внезапно, наплевав на все условности и людские предрассудки. Не всегда она приводила к счастью, но если её не было, то счастья уж точно не жди. И сегодня её наивные мечты о такой любви разбились вдребезги благодаря слову отца, сказанному двадцать лет назад.

– Мне кажется, что папа меня ненавидит, – вдруг выпалила Лорейн, вновь ощутив на щеках горячие слезы.

Леди Бриголь обняла её.

– Нет, дорогая! Не говори так! Это неправда.

– Тогда почему он так поступает со мной?

Мать обняла её и гладила по голове. Но Лорейн успела заметить, как горестно изогнулись её губы.

Лорейн стояла на краю скалы. Перед ней на многие мили вокруг простирался океан. Существует легенда, что если спрыгнуть с этой скалы, то обернешься птицей. Может быть, чайкой.

Конечно, никто не проверял. А если и проверял, то не мог рассказать об этом при любом исходе.

Носки туфель Лорейн опасно приблизились к краю, к рочущей внизу бездне...

Сегодня она попрощалась с Лисом навсегда. Отец не позволил взять его с собой, да она и сама не хотела заставлять друга выносить тяготы долгого путешествия. При воспоминании о его преданных карих глазах, о том, как он заливался лаем ей вслед, догадавшись, что хозяйка не вернется, на глаза Лорейн снова навернулись слёзы. Тёплый весенний ветер смахнул их и размазал по лицу...

Даже с именем и верой ей пришлось попрощаться. Неделю назад они всем семейством ездили в соседний городок, чтобы Лорейн приняла крещение в православной церкви под именем Лариса. Она никогда не была набожной, но все же это было прощание с чем-то важным. Ее отрезали от семьи, и больше не было пути назад.

Зато в путь с ней отправлялась новая горничная. Джейн, которая прислуживала Лорейн и её сестрам с рождения, мать отпускать не захотела. Да и служанка не рвалась в путешествие на другой конец земли, как бы ни любила молодую хозяйку. Поэтому ей нашли замену: совсем молоденькую дев-

чонку, которая сейчас редела в экипаже, не желая покидать родные места.

В голове Лорейн мелькнула безумная мысль сделать шаг вперед и улететь навсегда. От навязанного брака, от отцовских требований и от жизни, где она чужая. Но она понимала, что никогда не сможет так поступить. Какой бы нелепой ни была её помолвка, у неё ещё оставалась надежда на счастье. По крайней мере граф Эрдман молод! Он вполне может понравиться ей. Мама дала ей гору советов, как наладить отношения с мужем. А в ританских романах, которые прочла Лорейн, браки по расчету всегда оборачивались любовью. Она сделает всё возможное, чтобы так и случилось! Она будет счастлива!

Лорейн отошла от края и вернулась к экипажу, где, кроме горничной, её ждал Эшли Уайт. Наконец коляска тронулась. Путь в новую жизнь начался.

Глава 2. Померанец

Померанец или горький апельсин широко культивируют в соседнем Ситае, в дикой природе это дерево не встречается. Его белоснежные, мясистые и плотные лепестки, а также изящная тычинка выглядят изысканно и нежно. Потому часто цветы померанца влетают в венок невесты как символ невинности и чистоты.

Арсений Клавдиевич Владимиров «Земли Приморья и их обитатели»

Соленый морской ветер приятно охлаждал кожу. Лорейн даже было зябко, но уходить с палубы она не спешила – в каюте качка чувствовалась сильнее – лишь плотнее куталась в шаль. Юная леди Бриголь пожирала взглядом безбрежный океан, пытаясь разглядеть приближение суши. Конечно, существовало расписание, но Лорейн путалась в нем из-за смены часовых поясов, и все, что сейчас знала наверняка: они должны прибыть в порт Владивостока до заката. Солнечный диск уже коснулся воды, а впереди не было ни островка.

Морское путешествие не оправдало надежд Лорейн. Так горячо любимый ею океан устроил ей настоящую пытку. Все четыре недели она не могла ни есть, ни спать, ни рисовать, её постоянно мучила тошнота. Эшли твердил, что она привыкнет. Но за все нескончаемые дни на пароходе этого так и

не случилось. Плавание проходило для Лорейн как в тумане, из которого она лишь изредка выныривала на поверхность.

Вынужденному быть её нянькой Эшли скоро наскучила эта роль. Он уходил в бар или в казино, предоставляя Лорейн саму себе. А во время пересадки в порту Суэц её горничная сбежала с ританским офицером, оставив хозяйку один на один с бытовыми вопросами. Эшли отыскал на корабле новую прислугу, но это происшествие ещё больше выбило Лорейн из колеи. Она ощущала себя прокаженной, от которой даже слуги бегут в ужасе, чтобы не пропасть навсегда в диких лесах Туссии.

Большую часть времени Лорейн проводила на палубе, где чувствовала себя лучше. А сегодня путешествие должно было наконец завершиться, и ничто не заставило бы Лорейн спуститься в каюту. Она должна была увидеть берег, который станет её домом на всю оставшуюся жизнь!

Ещё раз окинув напряженным взглядом водную гладь, она достала блокнот. Свои зарисовки Лорейн делала в основном на суше: вот их огромный пароход в гавани Ньювасла, вот поезд, на котором они добрались из Порт-Саида в Суэц, вот спокойная морская гладь, а вот огромные волны во время шторма, который задержал их в Батавии¹ на два дня. На последнем рисунке была изображена летящая за кораблём чайка. Единственный набросок, сделанный на пароходе, когда они заходили в Гонконг.

¹ Старое название Джакарты (до 1942 года)

Внезапно рядом прислонился к борту Эшли. Лорейн вздрогнула от неожиданности и едва не выронила из рук блокнот. От помощника отца шел явный запах спиртного и табачного дыма, он опять проводил время в баре.

– Вы здорово рисуете, мисс!

Она только покачала головой и, убрав с лица растрепавшиеся пряди, спросила:

– Когда же мы прибудем?

Но Эшли не ответил, он смотрел на неё со странной смесью жалости и веселья:

– Вы не находите, что это очень символично, мисс?

– Что именно? – удивилась Лорейн.

– Чайка – это символ свободы, полета, жизни, в конце концов! По-тусски ваше имя произносится как «Лариса», а это означает «чайка».

Она даже отступила на шаг.

– Ты думаешь меня будут называть «Лариса»?

– Не знаю, наверное, нет, – Эшли перевел взгляд вдаль. – Это зависит от мнения вашего будущего мужа на этот счет.

Лорейн снова ощутила тошноту.

– Даже имя мне будет выбирать он... – горько произнесла она, вцепившись пальцами свободной руки в перила, словно это могло помочь ей удержать свою жизнь в прежней колее.

– По моему скромному мнению оно бы вам подошло, – заметил он.

– А как по-тусски «узница навязанного брака»? – поинте-

ресовалась она. – Такое имя подошло бы мне больше.

– Нет, вы не будете узницей. Даже под пристальным надзором сэра Джереми вы всегда находили способ сбросить свою свободу. Я думаю, вам не о чем волноваться, мисс.

Лорейн благодарно ему улыбнулась.

– Вообще-то Лариса звучит совсем неплохо.

Вдруг вдали показалась небольшая черная точка.

– Чайка! – закричала Лорейн с облегчением. – Берег близко!

– Да, я вижу какой-то островок, – прищурился её собеседник.

Через минуту чайка поравнялась с кораблем и испустила пронзительный крик прямо над их головами. Лорейн не терпелось вновь ощутить под ногами твердую почву, но окончание путешествия сулило и встречу с будущим супругом. Сердце её тревожно сжималось. Их пароходу предстояло миновать ещё множество островов за следующие два часа, прежде чем он войдет в бухту, но именно увидев в воздухе первую чайку, Лорейн отчетливо поняла, как далеко остался дом. Еще одного такого плавания она не переживет, а значит, уже никогда больше не вернется. Слезы закапали на блокнот, и Лорейн поспешила его убрать. Она плакала впервые за время путешествия, но не могла остановиться, пока не ступила на пристань в порту Владивосток.

Поздний час не позволил Лорейн и Эшли отправиться в

имение Эрдманов немедленно. На ночь они остановились в гостинице, а утром продолжили путь.

Лорейн рассматривала незнакомый город при свете дня. Он производил двоякое впечатление. С одной стороны, главная улица, на которой находилась их гостиница, была широкой и красивой. Ее обрамляли каменные здания с разноцветными фасадами, иногда украшенные колоннами или барельефами в классическом стиле. Золотились купола церквей, пестрели вывески торговых лавок и прочих заведений, цокали по брусчатке копыта лошадей и гроыхали колеса экипажей. В воздухе витали ароматы выпечки и утренней свежести.

Но стоило свернуть с центральной улицы, как дорога стала пыльной и узкой и пошла вниз, открывая вид на остальной город. Каменные и двухэтажные деревянные дома были разбросаны на склонах холмов вольготно, без особого порядка, ограниченные лишь ландшафтом. Между ними вились змейки дорог, иногда оканчиваясь тупиком. Где-то дымили трубы. Город выглядел хаотичным и неопрятным.

Лорейн одернула себя, она ожидала и вовсе диких мест, а столица Приморского края оказалась вполне обжитой. К тому же она все равно будет жить не здесь, а в имении Эрдманов, так говорил ей Эшли.

Вскоре их экипаж выехал из города. Дорога стала тряской. Но Лорейн не отрывала взгляда от окна, надеясь заметить свой будущий дом.

Её глазам открывались великолепные виды. Высокие холмы, поросшие деревьями, были словно театральные декорации, обтянутые мягким бархатом. Зеленые ватные возвышенности прорезали рыжие дороги, а иногда за окном проносились разноцветные от цветущих трав поля, фиолетовые, желтые, розовые полосы на которых казались прочерченными по линейке.

– Посмотри, как красиво, Эшли! – не удержалась Лорейн. – Эти холмы выглядят плюшевыми игрушками!

Её спутник усмехнулся.

– Здесь холмы называют сопками, – сказал он. – И они действительно очень красивы.

– Сопки, – покатала на языке новое слово Лорейн.

Ей только сейчас пришло в голову, что теперь придется много говорить по-тусски. Не потому ли отец так строго спрашивал с неё на уроках?

Будто прочитав ее мысли, Эшли сказал:

– Ваш отец просил немного рассказать вам про семью Эрдманов, мисс.

– Что ты имеешь в виду?

Экипаж трянуло, и Лорейн крепче вцепилась в ручку на двери, чтобы не упасть с сидения. Но Эшли не обратил на это внимания, а принялся рассказывать:

– Отец вашего жениха, граф Павел Алексеевич Эрдман, получил титул совсем недавно. Прежде он служил в нском полку в чине поручика. Но двадцать лет назад тусский госу-

дарь решил, что надобно осваивать дальние регионы и поручил активно заселять Дальний Восток. Переселенцам давались льготы, крестьянам – земля, военным – земля и повышение в должности. Эрдман уехал одним из первых. Он дослужился до коллежского асессора и за заслуги в освоении и развитии края ему был пожалован титул.

– Зачем мне все это знать? – спросила Лорейн.

Ей смутно казалось, что лорд Бриголь хотел принизить Эрдмана-старшего перед ней рассказами о его невысоком происхождении.

– Вы же знаете, мисс, как тщательно ваш отец подходит к делам, – пожал плечами Эшли. – Он счел, что чем больше вы знаете о новой семье, тем меньше шанс попасть в неловкую ситуацию. Особенно, если манеры графа Эрдмана или его сына окажутся не столь изысканными, к каким вы привыкли у себя дома.

Усмехнувшись про себя, Лорейн припомнила вспышки гнева, которым был подвержен отец. Распалившись, он мог кричать так, что, кажется, и здесь можно было бы услышать. Такие манеры тусским графам не переплюнуть!

– Также вам следует знать, – продолжил Эшли с видом пастора, читающего проповедь, – что жена Павла Алексеевича умерла вскоре после переселения в этот край. Именно в её честь он назвал усадьбу «Елена».

– А сейчас у него есть супруга? – спросила Лорейн.

– Нет. Он был женат ещё раз, но вторая жена также

скончалась. Теперь он живет довольно уединенно, общается лишь с соседями.

Лорейн бросила быстрый взгляд на лес за окном и все же решила спросить:

– А Роберт?

– Что – Роберт?

– Каков он? Ты знаешь о нем что-нибудь?

Эшли задумчиво замолчал.

– Разве сэр Джереми не показывал вам его фотографию?

Фотографию? Лорейн во все глаза уставилась на спутника, закусив губу.

– Нет. Не показывал, – ровным голосом сказала она.

– Странно, – заметил Эшли. – Неужели Эрдманы даже не удосужились сделать портрет...

Но Лорейн внезапно подумала, что это отец не удосужился его показать. После объявления помолвки он едва ли сказал дочери пару слов. А ей самой и в голову не пришло спросить его о портрете. А может быть, в этой глуши и вовсе не умеют делать фотографии?

– Не нужно волноваться, мисс, – обеспокоенно взглянул на неё Эшли. – Не пройдет и четверти часа, как вы его увидите!

Однако, его слова лишь усилили волнение Лорейн. Она вновь перевела взгляд за окно.

Там мелькали деревья и высокая трава. Внезапно в нескольких шагах от дороги она увидела темный силуэт.

– Кто это там?

– Где? – придвинулся к окну Эшли.

Но человек уже исчез, словно и не было. Лорейн напрасно вглядывалась в заросли.

– Наверное какой-нибудь крестьянин, – заметил её спутник. – Все захотят на вас посмотреть. Не каждый день в эти богом забытые места приезжает ританка!

Он оказался прав. Когда их экипаж въехал на широкий двор поместья «Елена», там уже толпился народ. Все работники и прислуга сбежались посмотреть на прибывшую невесту. Глядя на них в окно, Лорейн предпочла бы никогда не выходить из экипажа. Но стоило лошадям замереть, как дверь распахнулась. Эшли вышел первым и учтиво подал ей руку.

– Пора, мисс!

Чувствуя, как бешено колотится сердце, Лорейн ступила на землю поместья Эрдманов. Бросив взгляд поверх голов собравшейся толпы, она увидела приземистое двухэтажное здание желтого цвета с большими округлыми окнами и белоснежными колоннами у входа. На крыльцо вела мраморная лестница. На самом верху этой лестницы стоял высокий и стройный молодой человек с темными волосами и смотрел на неё с откровенной ненавистью во взгляде.

Лорейн едва не отшатнулась. Но чужое прикосновение заставило её отвлечься. Её взял за руки невысокий округлый мужчина с залысинами на крупной голове.

– Здравствуйте, моя дорогая! – произнес он по-ритански с сильным акцентом. – Я рад видеть вас!

– Спасибо! Я тоже счастлива с вами познакомиться! – ответила Лорейн по-тусски, немного смущенная неожиданным прикосновением.

К счастью, услышав родной язык, он улыбнулся с явным облегчением, отпустил ее и продолжил знакомство на тусском:

– Меня зовут Павел Алексеевич. А это мой сын Роберт.

Но ещё до того, как граф Эрдман указал на молодого человека, который успел уже спуститься по лестнице, Лорейн с ужасом поняла, что он и есть её жених. Сейчас его лицо не выражало столь сильных чувств, он равнодушно глядел куда-то сквозь неё.

– Рад встрече, – холодно бросил он, склонив голову в приветствии.

– Я тоже рада! – в смятении пролепетала Лорейн.

Радости в их знакомстве, однако, не было ни на грош.

Роберт чопорно обронил:

– Прошу вас в дом!

И первым стал подниматься по лестнице.

– Идемте, идемте! – поддержал его Павел Алексеевич.

Гости и хозяйева направились следом. Лорейн ничего не оставалось, кроме как созерцать неестественно прямую спину своего жениха и вьющиеся темно-русые волосы на затылке. Ей пришло в голову, что он не особенно старше неё. И хо-

тя она не ожидала мгновенной симпатии между ними, столь холодный прием её огорошил.

Позади шел Павел Алексеевич и что-то тихо обсуждал с Эшли.

Пройдя сквозь широкие двери, Эрдман-младший обернулся и замер, заложив руки за спину в ожидании остальных.

Павел Алексеевич сразу засуетился:

– Роберт, ты не мог бы показать своей невесте, где она может отдохнуть?

– К сожалению, я сейчас занят, – заявил тот, – и должен вас покинуть.

И он быстрым шагом удалился по коридору. Павел Алексеевич смотрел ему вслед, поджав губы, а затем обратился к Лорейн:

– Простите, милая Лора – если разрешите вас так величать – у нас ещё не закончены приготовления к церемонии. Роберт позаботится о них. А вам нужно передохнуть с дороги!

У Лорейн голова шла кругом от множества тусских слов, но она изо всех сил старалась не утратить нить разговора.

– Даша покажет вам комнату, – заключил Павел Алексеевич.

Вперед вышла дородная женщина лет тридцати с простоватым рябым лицом и крепкими руками. Лорейн подумала, что ей больше подошла бы работа на кухне. А может быть, её оттуда и привели к ней? Впрочем, выбирать не приходилось,

ведь её горничная осталась дома.

В комнате Лорейн растерянно села на кровать. Холодность Роберта напугала её. Он ведь её совсем не знает, откуда такое пренебрежительное отношение? Тот первый его взгляд рождал у неё дурное предчувствие.

Но скоро Лорейн стало не до мыслей о женихе. Уже через час та же самая горничная заявила к ней и принялась готовить к свадьбе: мыть причёсывать и наряжать. Вокруг завертелась такая суматоха! Все твердили, что до церемонии мало времени, Павел Алексеевич развил бурную деятельность, а Эшли объяснил, что по условиям договора лорда Бриголя и графа Эрдмана венчание должно состояться в день прибытия невесты. Лорейн не понимала, к чему эта спешка, она чувствовала себя куклой в чужих руках. Ещё не успев прийти в себя после долгого путешествия, она уже должна была встретиться с женихом в церкви.

Кружевная вуаль на лице мешала смотреть вокруг. Голос священника, или, как его здесь называли, батюшки, гулко разносился под сводами часовни. Справа, прямой, точно проглотил кочергу, стоял Роберт. Взгляд Лорейн то и дело обращался к нему, но, не поворачивая головы, кроме свечи в его руке, такой же как у неё, ничего разглядеть не удавалось. Поэтому Лорейн любовалась иконостасом за спиной священника.

Прямо на неё смотрела с иконы Богоматерь. Лицо её по-

казалось Лорейн молодым, полным спокойствия и невероятно красивым. Она словно говорила: «Будет нелегко, но такая жизнь». Почему-то от этого Лорейн становилось легче на душе.

Ведь на самом деле она вошла под своды храма с тяжелым сердцем. При новой встрече Роберт едва взглянул на неё. Даже сейчас он стоял, словно нарочно не касаясь её ни локтем, ни плечом. Но и прямо спросить его, в чем дело, ей не хватало духу. Мелькнула даже малодушная мысль сбежать, но отец ни за что не примет её обратно, а остаться одной в чужой стране без средств к существованию было смерти подобно... К тому же если она откажется от свадьбы, то навлечет позор на всю её семью.

Из задумчивости невесту вывели слова батюшки, обращенные к жениху:

– Имеешь ли ты, Родион, намерение доброе и непринужденное и крепкую мысль взять себе в жены Ларису, которую здесь пред собою видишь?

– Имею, честной отче, – отчеканил Роберт.

Лорейн слегка удивилась, что его церковное имя тоже отличается от настоящего. А батюшка уже продолжал:

– Имеешь ли ты, Лариса, намерение доброе и непринужденное и крепкую мысль взять себе в мужа Роберта, которого здесь пред собою видишь?

Лорейн ощутила, как забилося раненой птицей сердце. Она должна отвечать! Она не может отказаться. И несмотря

на злой взгляд Роберта, на страх, на желание вернуться домой, на все свои сомнения, ей придется сказать «да». Иного не дано.

– Имею, честной отче, – едва слышно прошептала она.

Но батюшка её услышал.

– Благословенно Царство... – затянул он.

Лорейн стояла ни жива ни мертва. Она солгала перед Богом. Связала себя с человеком, которого не только не любит, а даже не знает. На глаза навернулись слезы, и сейчас она порадовалась, что лицо скрыто вуалью.

Но служба продолжалась, а Дева Мария смотрела с таким пониманием, и постепенно Лорейн взяла себя в руки.

Лишь в конце церемонии её ждал ещё один особенно волнующий момент, когда мужская рука откинула вуаль, и перед ней оказались голубые глаза Роберта. Он коснулся губами её губ. Но то был не настоящий поцелуй, лишь официальное прикосновение. С ужасом Лорейн подумала, что и первая ночь может оказаться такой же бесчувственной. Она прочла достаточно женских романов, чтобы знать, что при отсутствии любви ночь с мужчиной может обернуться кошмаром.

Муж взял её под руку, и они вышли из церкви, осыпаемые зерном и поздравлениями.

К счастью часовня находилась на территории поместья, им вместе с гостями не пришлось ехать в город для венчания. Теперь же все спешили через сад в дом, чтобы угостить-

ся праздничным ужином.

Роберт шел вперед широкими шагами. Он держал Лорейн за руку, но она не ощущала этого прикосновения. Его рука не была горячей или даже вспотевшей, а словно бы неощутимой и невесомой. Лорейн хотела что-нибудь сказать, чтобы разрушить стену молчания между ними, но не находила слов. Она лишь старалась не отстать от его шага. После пережитого волнения и длинного путешествия она страшно устала и хотела просто, чтобы этот день поскорее закончился.

Едва молодые ступили в холл, гости стали поздравлять их и дарить подарки. Незнакомые имена смешались в голове у Лорейн, ей оставалось лишь улыбаться и благодарить. Роберт делал то же самое, иногда в какой-то преувеличенной насмешливой манере, отчего ей становилось не по себе.

Наконец, все прошли в большой зал, пышно украшенный цветами, где были накрыты к ужину длинные столы. Только усевшись вместе с Робертом во главе одного из них, Лорейн поняла, насколько проголодалась. Но не успела она взяться за вилку, как Павел Алексеевич поднял бокал и громко сказал:

– Поздравляю дорогих Роберта и Ларису! Совет да любовь!

Он сделал глоток из бокала и вдруг нахмурился.

– А вино-то горькое! – заявил он с хитрым блеском в глазах. – Горько!

Гости тут же подхватили:

– Горько! Горько!

Лорейн ничего не понимала. Что случилось с вином? В растерянности она взглянула на мужа.

Роберт нахмурился и громко сказал, почему-то по-бранцузски:

– Не устраивай балаган, папа! Она ританка и не знает наших обычаев.

Гости притихли.

Ощувив ужасную неловкость от того, что Роберт говорит о ней в третьем лице, Лорейн закусил губу. Щеки против её воли залила краска. Очевидно, он думал, что она не знает французского.

– Оставь это, Роберт! – отвечал по-тусски Павел Алексеевич, бросив взгляд на Лорейн. – Ты смущаешь милую Лору.

– Это я-то смущаю? – возмутился жених.

Неожиданно на ноги поднялся Эшли со своим бокалом.

– Какая любопытная тусская забава, – сказал он по-бранцузски, – проверять у гостей знание языков! Вы не находите, мадам Лорейн?

Покрасневшая невеста сказала, ни на кого не глядя:

– Нахожу, мсье Эшли. А ещё я не знала, что в Туссии свадьбу принято называть балаганом.

Она тут же прикусила язык, но дерзкие слова уже сорвались, выдав её обиду.

Павел Алексеевич чуть смутился, но ответил на тусском:

– Извините, французский моего сына не очень хорош. Он

хотел сказать «традиция», а не «балаган». По нашей традиции, если кто-то из гостей кричит «Горько!», жених и невеста должны поцеловаться.

Лорейн не то что целоваться, даже смотреть сейчас на Роберта не хотелось. Поэтому она обрадовалась, когда граф Эрдман добавил:

– Но я уже понял свою ошибку. Дадим молодым время освоиться в новой роли.

Гости принялись за еду и выпивку, а Лорейн смотрела в тарелку невидящим взглядом. Она думала, что Роберт извинится, но он ел и словно вовсе её не замечал.

Прием шел своим чередом. Гости пили за супругов Эрдман, все реже поглядывая в их сторону. Через некоторое время Роберт встал и направился за другой стол, где молодые люди, похоже его друзья, от души хохотали. Однако Павел Алексеевич перехватил его, и после короткой, но бурной, беседы Роберт вернулся к Лорейн. Её происходящее не радовало. Очевидно, что её муж был против этого брака. И она совершила огромную ошибку, приехав сюда.

Лорейн кусок в горло не лез, она хотела бы уйти. Единственное, что её удерживало в зале, – это предстоящая брачная ночь. Внутри все сжималось при мысли о ней.

Музыка звучала, блюда сменялись, а празднество становилось все более буйным. Гости пели песни, танцевали и смеялись. Лишь жених и невеста не участвовали в общем веселье. Лорейн лениво ковыряла кусок пирога, а Роберт опро-

кидывал один бокал с вином за другим.

– Вы не желаете десерт? – его приятный бархатистый голос вывел её из задумчивости.

Лорейн подняла глаза от тарелки. Роберт смотрел на неё с вежливым любопытством.

– Я уже сыта.

Неожиданно он тоже отложил вилку и обвел взглядом зал.

– Полагаю, нам уже можно уйти, никто все равно не заметит.

С этими словами он встал, так и оставив недоеденный пирог. Лорейн тоже поднялась. Сидеть здесь одной было бы совсем глупо.

Едва дверь зала закрылась за спиной, как супругов окутала оглушающая тишина. Лорейн с облегчением потерла виски.

Несмотря на большое количество выпитого, Роберт довольно твёрдо держался на ногах. Он деловито взял её под руку и повел на второй этаж.

Молчание затягивалось петлей на шее Лорейн. Наконец, она не выдержала и сказала:

– Я знаю, помимо родного ританского, тусский, бранцузский и немного хинди. Если вы хотели, чтобы я ничего не поняла, стоило говорить на ситайском.

Роберт даже не взглянул на неё.

– Я прошу прощения, если обидел вас. Но идея отца заставлять нас целоваться была не лучше.

«Я так противна вам?» – хотела спросить Лорейн, но не решилась.

Их уже ждали. Перед дверью её комнаты сидела та же рябая горничная. Её имя вылетело у Лорейн из головы. Прежде, чем передать жену ей на попечение, Роберт слегка поклонился, будто Лорейн была особой королевской крови. Её эта чопорность только пугала.

Вскоре горничная терпеливо распутывала волосы невесты после невообразимой прически, которую сама же соорудила на её голове несколько часов назад. Нужно отдать ей должное: с волосами женщина обращалась удивительно бережно и при этом уверенно, не дергая лишний раз, но и делая свое дело. Лорейн безучастно смотрела на её сосредоточенное простоватое лицо, а затем перевела взгляд на туалетный столик, где лежал уже снятый с головы венок с цветами померанцевого дерева. Такие надевали невесты в Ритании, но традиция перекочевала и сюда. Белые цветы означали невинность и чистоту. Дрожь пробежала по телу Лорейн при мысли, что ей предстоит распрощаться с ними в объятьях холодного и отстраненного Роберта.

Наконец причесанные каштановые локоны легли на плечи. Роскошное белое платье отправилось в шкаф, а его место заняла ночная сорочка из чистейшего ситайского шелка.

– Здесь дверца есть, сударыня, – показала служанка на незаметно слившуюся с цветочными обоями дверь.

– Куда она ведет? – удивилась Лорейн, не ожидавшая, что

придется куда-то идти.

Разве муж не должен навестить её в спальне?

– Там для вас приготовлена общая спальня, – пояснила горничная. – Павел Алексеич кровать из самого Питербурха заказывал!

Замирая от волнения, Лорейн повернула латунную ручку.

Размером соседняя комната была похожа на её спальню. Но большую часть пространства занимала необъятных размеров кровать с балдахином, очевидно, та самая, из Питербурха. Остальную обстановку составляли ситайская ширма и низкий столик, заставленный цветами. Над изголовьем кровати тоже шла гирлянда из померанцевых цветов.

Роберта не было. Лорейн не верила, что он мог переодеться дольше неё. Наверное, он не застал её и ушёл. Что же ей делать? Дождаться его или вернуться к себе?

Лорейн присела на кровать. Она была так велика, что они вдвоем могли бы затеряться на ней и никогда не встретиться. И Лорейн бы это устроило.

Но не успела она об этом подумать, как в противоположной стене открылась дверь, и вошел Роберт. С видом лорда, обзирающего свои владения, муж оглядел спальню. Взгляд его остановился на Лорейн. Она ничего не могла с собой поделать – вскочила и внутренне сжалась в комок.

Роберт приближался быстро и решительно. Похоже, он хотел покончить с этим важным делом побыстрее. Такой подход совсем не обрадовал Лорейн.

Замерев в двух шагах, он произнес:

– Лора, я бы хотел сделать вам предложение.

– Предложение? – кажется, её голос почти не дрожал.

Он заложил руки за спину.

– Я вижу вас сегодня впервые. И вы меня тоже. Не будет ли разумно, привыкнуть друг к другу какое-то время? И не торопить события.

Услышав это, она готова была броситься ему на шею. Неужели, она ошиблась в нем, и на самом деле ей достался чуткий и внимательный молодой человек, который ведет себя, как истинный джентльмен?

– Я с вами согласна, – ответила Лорейн, сразу ощутив себя спокойнее.

– Хорошо, – промолвил он. – Покойной ночи!

И таким же быстрым деловым шагом он удалился, а Лорейн поспешила вернуться к себе.

Её дожидалась горничная, которая тут же вскочила:

– Желаете освежиться, сударыня?

– Ничего не нужно, – бросила Лорейн, залезая под одеяло. – Мы обо всем договорились.

Но перед тем, как провалиться в желанный сон, её сознание пронзила ужасная мысль.

Не было никакого благородства.

И дело не в джентльменских привычках Роберта.

Она просто не понравилась ему!

Глава 3. Аризема амурская

Аризема амурская – необычное растение с причудливым цветком желто-зеленого оттенка, с темными жилками. У цветка кувшинообразное покрывало с широким отверстием, в глубине которого виднеется верхушка сочного стержня. Все части ариземы содержат особые жгучие вещества, вызывающие чувствительный ожог и покраснение кожи.

По-ритански аризему называют – «cobra-lilies» или лилии-кобры, поскольку цветки буквально воспроизводят боевую стойку змеи – кобры.

Арсений Клавдиевич Владимиров «Земли Приморья и их обитатели»

Когда Лорейн утром спустилась в столовую, Роберта там не было. Зато рядом с Павлом Алексеевичем сидели некоторые вчерашние гости, заночевавшие в имении. Она поздоровалась, а граф сказал, угадав её вопрос:

– Роберту сегодня нездоровится, милая Лора. Он просил простить его.

Учитывая количество выпитого вчера, в состоянии супруга Лорейн не видела ничего удивительного.

– А вы как себя чувствуете? – спросил Эшли, сидевший тут же, запуская ложку в вазочку с вареньем.

– Прекрасно, – соврала она, занимая место рядом с ним.

Но не успели ей подать кашу, как Лорейн попала в центр внимания присутствующих. За неимением другой цели, все взгляды, приветствия и вопросы обратились к ней. В этот момент она пожалела, что по примеру Роберта не сказалась больной. После вчерашней суматохи ей хотелось тишины и уединения.

После завтрака она с Павлом Алексеевичем провожала гостей на крыльце. Сияло солнце. В редких пучках травы, пробивающейся у забора, гудели цикады. Граф прощался за руку с каждым и получал в ответ приглашение на обед или ужин, пока последний экипаж не выехал за ворота.

– У нас редко бывают гости, – сказал Павел Плексеевич. – Расстояния большие, дороги плохие, а леса небезопасны. Боюсь, милая Лора, ты можешь заскучать.

– Об этом не стоит беспокоиться! – уверила она. – Я люблю уединение и природу.

Павел Алексеевич оживился.

– Природу? В самом деле? Тогда тебе непременно нужно взглянуть на мой сад! Он с другой стороны дома. Там великолепный цветник! Я нанял бранцуза-садовника, он просто творит чудеса!

Граф даже приосанился от гордости.

– Я с удовольствием осмотрю его! – с улыбкой ответила Лорейн. – Хотя меня интересуют не только садовые растения. Я бы хотела прогуляться и по лесу тоже.

– Нет-нет, милая Лора! – начал было Павел Алексеевич. –

Я слышал от мистера Уайта, что дома ты часто гуляла без сопровождения. Но я сказал об опасности нашего леса не для красного словца. Не ходи одна за ворота...

Он продолжал что-то говорить, но внимание Лорейн отвлек дробный стук копыт. Она повернула голову и увидела, как в открытые ворота влетели трое всадников. Впереди на гнедом коне мчался Роберт. Как он был не похож на вчерашнего чопорного джентльмена! Глаза его задорно сверкали, темные кудри разметались, а белоснежная рубашка была расстегнута на груди. За ним в таком же вальяжном наряде неся молодой человек с тонкими острыми чертами лица. Последним ехал крепкий светловолосый парень на крупном жеребце.

Компания сделала пару кругов по двору, взметнув тучи пыли, и наконец остановилась. Роберт первым ловко спрыгнул на землю и подбежал к отцу и Лорейн. Было совершенно очевидно, что он вовсе не болен.

– Доброе утро, папа! – весело воскликнул он.

– Ничего тут доброго не вижу, – проворчал отец. – Ты ставишь меня в неловкое положение перед милой Лорой своим враньем. К тому же ты совсем не уделил внимания гостям!

– Ах, здесь милая Лора! – Роберт обернулся к ней, словно только теперь заметил её присутствие. – Моя дорогая жена! Как вы себя чувствуете?

Лорейн видела, что Роберт насмехается над их новым статусом, и не знала, как отвечать.

– Хорошо, спасибо, – только и оставалось ей проговорить.

Павел Алексеевич хотел еще что-то сказать, но как раз подошли остальные наездники, и Роберт с преувеличенным восторгом заявил:

– Лора, познакомьтесь, это Борис Вениаминов, – он указал на остроносого и угловатого молодого человека, – а это Алексей Боярнов – им оказался светловолосый, – мои друзья. Знаю, что вы виделись вчера, но хочу, чтобы вы хорошенько их запомнили, они будут часто у нас бывать!

Он обернулся к молодым людям.

– Друзья мои, познакомьтесь, с моей женой Лорой!

Борис и Алексей заулыбались, словно он выдал забавную шутку. Внезапно Лорейн поняла, что все трое источают запахи спиртного.

– Очень рад встрече! – Борис взял её руку и церемонно поцеловал.

Алексей ограничился вежливым поклоном.

– Ну а теперь, предлагаю партию в вист! – провозгласил Роберт, жестом приглашая друзей в дом.

– Тебе не кажется, что сейчас это неуместно, Роберт! – возмутился Павел Алексеевич.

– Ты сам сказал, что мне нужно уделять гостям больше внимания!

И все трое прошли мимо хозяина и Лорейн.

– Прошу меня простить, – бросил Павел Алексеевич и поспешил за ними.

Лорейн не хотелось идти в дом и слушать ругань Роберта с отцом, так что она решила последовать совету графа и осмотреть цветник.

По узкой тропинке она обходила особняк, размышляя о поведении Роберта. Она не ошиблась, что не нравится ему, и теперь убедилась, что он смеется над их браком. Внутри копилась обида. Она ведь не выбирала такую судьбу!

Но увидев цветник, Лорейн замерла от восторга и забыла обо всем на свете.

Сад за домом оказался совсем небольшим: несколько до-рожек, плодовые деревья и множество клумб, усеянных цве-тами. Некоторые цветы были ей незнакомы, а некоторые она видела лишь на страницах книг. Яркие пионы источали слад-кий аромат, изысканные розы разных сортов качали голов-ками на ветру, выглядывали среди листьев ещё не распу-стившиеся бутоны тигровых лилий, торчали вверх палоч-ки гиацинтов, Лорейн заметила даже несколько кустов позд-них азалий. Она сразу узнала незабудки, ромашки и другие лесные растения, высаженные, чтобы разбавить пышность клумб. Лорейн бродила по дорожкам и любовалась, вдыхала сладкие ароматы и наслаждалась буйством красок. Но когда она уже решила пойти за альбомом и сделать несколько за-рисовок, со стороны дома показался Эшли.

– Вот вы где, мисс! – сказал он по-ритански. – То есть, я хотел сказать: миссис!

Помощник отца был одет в светлый летний костюм и та-

кого же цвета шляпу. При приближении к Лорейн, он снял головной убор и чуть одернул пиджак.

– Я пришел попрощаться.

– Что? – ахнула Лорейн. – Ты уезжаешь? Так скоро?

Эшли жестом пригласил её присесть на одну из кованых скамеек, а когда Лорейн в шоке на неё опустилась, сел рядом и продолжил, вертя в руках шляпу:

– К сожалению, я не могу остаться. Дела сэра Джереми не терпят отлагательств. Я отправлю ему телеграмму из порта о состоявшейся свадьбе, а сам должен ехать в Сингапур по его поручению.

У Лорейн застрял в горле ком. Эшли был последней ниточкой, связывавшей её с домом.

– Мы проделали такой длинный путь, а теперь ты уедешь, не пробив и двух дней? Прошу, останься ещё хотя бы на неделю. Тебе ведь тоже нужен отдых!

– Я бы и рад, миссис, но не могу, – он глядел на свою шляпу. – К тому же я уже велел подавать экипаж.

Лорейн всхлипнула и вдруг поняла, что плачет. Она прижала ладони к щекам.

– Ну что вы, мисс! Все будет хорошо! – беспомощно взглянул на неё Эшли.

– Нет, не будет! Мой муж даже видеть меня не хочет! Он смеется надо мной! Зачем? Зачем нам нужно было жениться? Как отец и мистер Эрдман могли так с нами поступить!

Она размазывала слезы по лицу, стгорая от стыда и злась

на себя за то, что устроила такую ужасную сцену. Но у нее не было больше сил притворяться, что все в порядке.

– Не нужно делать поспешных выводов, мисс! – сказал Эшли, неловко погладив её по плечу. – Вы знакомы с Робертом всего день. Нужно время, чтобы узнать друг друга. Уверен, когда вы познакомитесь ближе, все наладится.

Лорейн было страшно неловко, и она поспешила перевести тему:

– Смотри, как здесь красиво!

– Да, сад замечательный! – огляделся он, будто очень заинтересован. – Мы с вами устроились под яблоней.

– Яблони растут и у нас, – проговорила Лорейн, стараясь выровнять дыхание. – Но погляди, какие тут необычные цветы!

Она перегнулась через подлокотник и провела пальцем по причудливому лепестку, прикрывающему сердцевину желто-зеленого цветка с темными прожилками.

– Что вы делаете?! – воскликнул Эшли и буквально оттолкнул её руку.

Но она и сама поняла: что-то не так – палец обожгло, как крапивой.

– Это же аризема! Она ядовита! – заявил Эшли.

Он поднялся и потянул её за собой к питьевому фонтанчику, выглядывающему из-за кустов роз. Лорейн промыла палец водой, жжение не прошло совсем, но стало легче.

– Я не знала, что это за цветы, – покачала она головой. –

И не думала, что ты разбираешься в растениях!

– Я и не разбираюсь, – усмехнулся помощник отца. – Но я много путешествую по делам сэра Джереми. Один раз в Ситае точно так же обжегся.

Они замолчали. Лорейн ещё держала палец в воде, чувствуя, как уходит боль. Она вдруг вспомнила, что имя Эшли тоже связано с растением. По-древнеритански «эш» означает «ясень».

– Я должен идти. Экипаж, наверное, уже ждет.

Лорейн кивнула, она уже поняла, что его отъезд неизбежен и её уговоры ничего не изменят. Осторожно вытерев ладонями лицо, чтобы на нем не осталось следов слез, она поспешила за Эшли, чтобы проводить.

На крыльце ждал Павел Алексеевич. Он сердечно попрощался с помощником отца, а вот Роберт не появился.

– Вы справитесь, мисс, – сказал Эшли на прощание, прежде чем вскочить на подножку коляски, а потом махал шляпой, пока экипаж не скрылся из виду.

За забором шумел лес, над ухом Лорейн жужжала надоедливая мошкара, за домом слышался приглушённый говор работников на чужом языке, но едва ли Лорейн замечала всё это, погруженная в печальные раздумья. Единственный близкий человек уехал, она осталась одна среди людей, которым явно не была нужна, и словно в подтверждение её мыслей из открытых окон первого этажа донёсся взрыв хохота и звон бокалов. Её муж прекрасно проводил время со своими

друзьями и явно не вспоминал о молодой жене...

Усадьба Эрдманов стояла на холме, и территория её была невелика. Со всех сторон её обступал лес, начинаясь сразу за воротами. Дорога от ворот спускалась вниз в небольшую дереушку, а затем терялась где-то между следующими двумя сопками. Лорейн часто смотрела на неё из окна, и вид этой дороги, уходящей вдаль, будил в её душе тоску по дому.

Прошло две недели со дня свадьбы. Общая спальня пустовала. Лорейн надеялась, что Роберт предпримет какие-то усилия, чтобы познакомиться с женой поближе. Но он не стремился к общению, а скорее её избегал.

Сидя напротив за столом, Роберт разговаривал с ней не больше того, сколько требовала простая вежливость, а на её попытки завести беседу отвечал односложно. С утра он обычно отправлялся на конную прогулку, а после обеда уезжал с друзьями. Возвращение его бывало слышно на весь дом: пьяный хохот прерывался препирательствами с отцом или бранью, адресованной слугам. В таком состоянии видеть его Лорейн и вовсе не хотелось, несмотря на то, что в присутствии жены он делал благопристойное лицо.

Лорейн проводила много времени в саду. В хорошую погоду, она могла гулять там весь день, делая зарисовки или читая книгу на полюбившейся ей скамье под яблоней. В дождливые дни она писала письма домой в своей комнате. Когда

накопилось несколько штук, слуга отвез их на почту в город.

Сад отделяла от леса кованая ограда. За ней будто начинался другой мир. Густые кроны старых деревьев пропускали мало солнечного света, создавая вечную тень. Но там кипела жизнь: пели птицы, ветер шевелил листву, стволы поскрипывали, а ползучие растения обвивали металлические прутья ограды. Лорейн видела иногда, как садовник срезает их. Порой, когда она одна сидела на скамье, ей казалось, что из леса кто-то наблюдает за ней. Или же на нее смотрел сам лес?

В отличие от безразличного Роберта, его отец отнесся к ней очень тепло. При ней Павел Алексеевич лучился добродушием. За столом он смущал Лорейн расспросами о её семье, о сестрах и о жизни в Ритании. Лорейн не привыкла к такому интересу к своей персоне и старалась перевести разговор на рассказ о путешествии или о красотах родных мест.

Павел Алексеевич объяснил Лорейн, что им с Робертом придется жить в «Елене» до осени, а потом для супругов будет готов новый дом. Он должен был стать подарком к свадьбе, но строительство затянулось дольше срока.

– Рабочие обещали управиться до сентября, – говорил он в один из вечеров за ужином, отправляя в рот кусочек картофеля. – Но кто им поверит? И все же я надеюсь, что до первых морозов вы сможете туда переехать. Место просто замечательное! На берегу моря!

– Это потрясающе! – отозвалась Лорейн, представив тихое побережье. – Я бы хотела съездить туда и посмотреть на дом!

Но Павел Алексеевич покачал головой.

– Далековато, милая моя Лора. Дорога там не из лучших. Впрочем... – он поразмыслил и добавил, обернувшись к сыну. – Если бы Роберт сопровождал тебя, я был бы спокоен.

Эрдман-младший бросил на него равнодушный взгляд и вытер рот салфеткой, заканчивая трапезу.

– К сожалению, не смогу, я страшно занят.

Добродушие тут же слетело с Павла Алексеевича.

– Чем это, позволь узнать? – прошипел он.

– Своими делами! – отрезал Роберт.

– Ты мог бы отложить их ненадолго и составить компанию своей жене.

– Это вряд ли.

И хотя, говоря это, Роберт смотрел на отца, Лорейн сильнее сжала в пальцах вилку. Почему он так избегает её общества? Что она ему сделала?

Лицо Павла Алексеевича побагровело, но до того, как он успел что-то сказать, Роберт встал и, бросив салфетку на стол, удалился.

Воцарилась неловкая тишина, а потом Павел Алексеевич устало произнес:

– Не принимай это на свой счет, Лора. Роберт злится на меня, а не на тебя. Когда вы переедете в собственный дом,

все изменится.

Но Лорейн не была так уверена. Скорее наоборот. Ей казалось, что Роберт сидит с ней за одним столом только ради отца. Кто знает, как он станет вести себя, когда некому будет следить за соблюдением приличий?

Расстроенная, она сослалась на плохое самочувствие, пораньше ушла в свою комнату и позвала служанку, чтобы помогла ей подготовиться ко сну.

Лорейн теперь знала, что её рябую камеристку звали Дашей – сложное имя для ританского произношения. Сперва у Лорейн выходило что-то вроде «Дас-ша», но вскоре она научилась произносить его почти без акцента.

Вообще ей потребовалось время, чтобы привыкнуть к местному языку. В отличие от её учителя и от отца, которые чеканили тусские слова, точно золотые монеты, Павел Алексеевич говорил быстро, речь его бежала бурной рекой. Поначалу Лорейн приходилось прилагать немало усилий, чтобы его понимать, но теперь это уже не составляло труда для нее. А вот слуги иногда удивляли незнакомыми словами.

И только Роберт говорил мало и неохотно.

Пока Даша расчесывала перед сном ее непослушные пряди, Лорейн сидела на банкетке перед зеркалом и думала о поведении Роберта за столом. Её отражение с досадой кусало губу.

– До чего у вас красивые волосы, сударыня! – вдруг сказала камеристка.

Эти простые слова заставили Лорейн вцепиться пальцами в край банкетки. Красивые у неё волосы или нет – не имело никакого значения, потому что мужу она не нравилась. Иначе как объяснить его надменное безразличие? В глазах её отражения заблестели слезы.

Это не укрылось от взгляда камеристки. Даша перестала водить гребнем и сказала:

– Я служу в доме Павла Алексеича много лет. Роберт Палыч похож на своего отца: если что вобьет себе в голову, то его трудно разубедить. Боюсь, он решил, что вы одна из чопорных ританок, каких описывают в газетах и играют в пьесах.

– Я? – Лорейн обернулась и посмотрела на служанку в упор. – Да ведь он сам боится сказать мне лишнее слово, будто я ританская королева!

Даша смутилась и снова взялась за гребень.

– Уж простите, сударыня. Я слышала, что вы родом из горного края и даже лазали по скалам. Вот я и хотела сказать, что вы не похожи на здешних девушек, с которыми привык иметь дело Роберт Палыч, как ваши острые скалы не похожи на наши мягкие сопки.

Такое сравнение пришлось по душе Лорейн и немного прояснило ситуацию. Она и не подозревала, что производит такое впечатление.

– Вы бы проявили к нему расположение, интерес. Сделали бы первый шаг навстречу, – продолжала Даша.

Первой проявить интерес к мужчине? Такое Лорейн в голову не приходило и даже показалось неприличным. В её доме все первые шаги делал отец, и он бы точно не одобрил такое поведение. Но при мысли об отце и о доме, Лорейн вспомнила, что рассталась и с первым, и со вторым навсегда. Здесь ей придется самой преодолевать трудности.

– Но я совершенно не знаю, что делать! – беспомощно проговорила она, повернувшись к Даше. – Роберт даже не смотрит на меня лишний раз. Я не хочу, чтобы он счел меня навязчивой... И я... я просто не знаю...

Камеристка положила руку ей на плечо.

– Ну что вы, сударыня, я ничего особенного вам делать не предлагаю. Поговорите с ним, попробуйте разделить его интересы.

Этот доверительный жест успокаивающе подействовал на Лорейн.

А ведь и мама говорила ей то же самое! Не нужно ничего выдумывать, просто проявить интерес! Выйти за рамки официальных бесед.

– Ты права, Даша! Спасибо тебе!

Служанка отложила гребень, закончив работу.

Ложась в постель, Лорейн всё думала о Роберте. И ей пришло в голову, что хорошим шагом будет присоединиться к его конной прогулке. На лошади Лорейн чувствовала себя неуверенно, предпочитая ходить пешком. Но на эту жертву она готова была пойти.

Лорейн решила осуществить свою задумку не откладывая. Следующим же утром она стояла в коридоре перед дверью комнаты Роберта. Было рано, молодой граф ещё не выходил, но Лорейн хотела застать его до завтрака. Она боялась, что в присутствии отца Роберт откажет тому назло. Поэтому задумала попросить его выйти к ней в коридор и поговорить.

Рука немного дрогнула, когда она постучала.

– Войдите! – послышался голос Роберта.

Вообще-то заходить к нему она не собиралась, но после повторного оклика Лорейн открыла дверь.

Роберт был уже одет. Он стоял перед зеркалом и поправлял ворот белоснежной рубашки.

– Что, Гриша? Запрягли?

При виде жены он замер в удивлении.

– Лора? Вы? Что случилось?

Но слова застряли у неё в горле, потому что на его постели смущенно прикрывая наготу одеялом сидела одна из горничных. У Лорейн даже крутилось в голове её имя.

Роберт мгновенно оценил обстановку и небрежно бросил:

– Надеюсь, вы не собираетесь устраивать сцену? Или вы полагали, что я должен по ночам молиться?

Она взглянула на его скривившееся в усмешке лицо, но так и не смогла ничего сказать.

Развернувшись, Лорейн выскочила в коридор и бросилась прочь. Коридор, лестница, парадные двери. Гнев и несправедливость жгли Лорейн изнутри, словно ядовитая аризема. Как тогда в саду, но в тысячу раз сильнее!

Она пересекла двор и выбежала в открытые ворота. Ноги сами собой несли её в лес.

Она больше никогда не вернется в этот дом! Никогда!

Глава 4. Шиповник

В Приморском крае распространено несколько видов шиповника. Но самый примечательный – шиповник морщинистый. Он растет только по морским берегам, лишь иногда поднимаясь по долинам рек. От других видов он отличается морщинистыми от вдавленных жилок листьями, а также более крупными – размером с мандарин – плодами.

Арсений Клавдиевич Владимиров «Земли Приморья и их обитатели»

На каменистом берегу реки было хорошо. Её прохлада успокаивала, а неспешное течение уносило грустные мысли. Среди камней журчала вода. Рядом в кустах шиповника щебетали маленькие озорные птички. И Лорейн догадывалась, что где-то там, за деревьями, уже садилось золотистое солнце.

Она провела здесь весь день. Поначалу клялась сама себе, что больше не вернется обратно. Но постепенно гнев её поутих, уступив место горечи безысходности. Да, Роберт нарушил клятву, данную всего пару недель назад. Но можно ли считать эти клятвы настоящими? Она и сама покривила душой, когда согласилась на замужество. Между ними не было ничего, кроме этой церемонии, казавшейся теперь такой нелепой.

Но в глазах церкви и людей они женаты. И Роберт унизил её. Как ей продолжать жить с ним под одной крышей? Конечно, она может выгнать эту горничную, но ведь дело не в ней, а в Роберте! Он не дал Лорейн даже шанса понравиться ему! Его не интересует, что она из себя представляет. Изначально он решил, что она недостойна его внимания. И это несправедливо до слёз!

Лорейн знала, что пора уходить – нужно было вернуться до темноты. Но ей совсем не хотелось покидать гостеприимный берег. Может быть, у этого места тоже есть легенда? Если и так, Лорейн её не знала. Зато она чувствовала, что придёт сюда снова.

Она не спеша поднялась с земли и отряхнула подол. Но прежде чем уйти, сорвала с куста цветок шиповника и закрепила в волосах. Цветок был ярко-розовый и источал умопомрачительный запах. Лорейн решила, что этот маленький трофей будет напоминанием об этом месте. Бросив последний взгляд на реку, она уверенно зашагала в сторону поместья.

Заблудиться Лорейн не боялась. Даже в слезах и смятении она прекрасно чувствовала направление и, хотя брела довольно долго, не могла уйти от поместья далеко.

Чего она не знала, так это того, что из-за деревьев за ней пристально следили два янтарных глаза.

Огромное гибкое тело двигалось по лесу совершенно бес-

шумно. Ни один сучок не треснул под мягкими лапами, чтобы предупредить незваную гостью об опасности. Хищник предусмотрительно держался против ветра, чтобы до неё не донесся запах, который, впрочем, нечуткий человеческий нос все равно бы не уловил. Но зверь следовал своей охотничьей привычке. Он даже чуял, что у женщины не было с собой оружия.

Лёгкая добыча.

Лорейн потеряла тропинку, по которой пришла к реке. А может, её и не было вовсе? Просто попадалась неукрытая травой и кустами земля, по которой было удобно идти. Но Лорейн не сомневалась, что движется в правильном направлении, и продолжала путь.

Скоро она заметила впереди просвет и решила, что вот-вот выйдет на дорогу, ведущую к поместью.

Она прибавила шаг, но вдруг...

Заросли высокой травы в двух шагах от неё вздрогнули. Лорейн ударило сзади и сбило с ног. Страшная тяжесть придавила к земле, выбив воздух из легких. Уткнувшись носом в мокрую траву, Лорейн услышала жуткое утробное рычание, а затем ощутила горячее дыхание зверя на своем затылке. От ужаса она оцепенела, не в силах даже закричать. Всё произошло в считанные секунды, и Лорейн поняла, что они – последние в её жизни.

Внезапно рядом раздался выстрел.

Придавливавшая её к земле тяжесть исчезла, как будто хищник резко подпрыгнул.

Едва дыша, Лорейн подняла голову. В шаге от неё стоял огромный покрытый оранжевыми и черными полосами зверь. Лорейн видела тигра только на картинках, и её мозги отказывались верить в происходящее.

Тигр, скалясь, смотрел куда-то мимо неё. В десяти шагах от них между деревьями, направив ружье на зверя, виднелся человек. Лорейн различила заросшее бородой немолодое лицо незнакомца.

Мужчина крикнул:

– Уходи прочь!

Гигантская кошка зарычала.

– Уходи! – повторил человек, делая шаг вперёд.

Позади него слышались возгласы, топот и собачий лай.

Зверь повел ушами, рыкнул в последний раз и одним бесшумным прыжком скрылся в кустах.

Лорейн смотрела на то место, где он исчез, и не могла пошевелиться. Тело словно сделалось свинцовым. На неё, в самом деле, напал тигр?!

Опустив ружьё, её спаситель подошёл ближе и подал руку.

– Цела, барыня?

Она ухватилась за его мозолистую ладонь и поднялась, но от потрясения не могла вымолвить ни слова.

Из-за деревьев выскочил Роберт, а с ним – ещё несколько человек. Все были вооружены. Младший Эрдман остано-

вился, растерянно оглядывая её и мужчину рядом. Лорейн поняла, что все ещё держится за своего спасителя и отдернула руку.

– Что произошло? – наконец выдавил Роберт.

Человек с ружьем ответил:

– Тигр напал на вашу жену, но испугался моего выстрела и убежал.

Лорейн отметила про себя, что незнакомец знал, кто она такая.

– Что? Напал?! – испугался Роберт.

Он подскочил к ней. При виде него Лорейн пожалела, что тигр её не растерзал. Но она внезапно поняла, что дрожит, и не стала сопротивляться беглому осмотру Роберта.

– Ты не ранена?

Она лишь покачала головой. А Роберт уже повернулся к бородатому охотнику и пожал ему руку. Тот даже поднял голову повыше и расправил плечи.

– Спасибо, Иван! – сказал Роберт. – Если бы ты не успел вовремя, кто знает, чем бы все кончилось!

– Печально дело бы кончилось, барин, – отвечал тот. – Но вы же этого не хотели бы?

Он некоторое время смотрел прямо в глаза Роберту, и у того лицо пошло красными пятнами.

– Разумеется, не хотел! На что это ты намекаешь?

– Напекаю? – вскинул брови бородатый, а потом опустил глаза. – Я говорю, что тигры – это вам не шутки, да и все.

Он глянул на Лорейн, словно хотел ещё раз убедиться, что она цела, и, вскинув на плечо ружье, зашагал прочь.

Рядом залаяла собака. Лорейн вздрогнула.

– Кто это был? – спросила она Роберта, который провожал мужчину взглядом.

– Наш егерь, Иван Жданов, – недовольно сказал он. – Взяли его всего месяц назад. Впрочем, как видишь, он знает свое дело.

Муж покосился на пришедших с ним людей и ничего больше не прибавил.

Сидя в кресле, Лорейн пила чай из фарфоровой чашки крошечными глотками. Чай с молоком – одна из немногих привычек, которые ей удалось сохранить после переезда. Но как ни старались и Даша, и другие служанки, он все равно отличался от домашнего. Было ли дело в другой воде, сорте чая или жирности молока, Лорейн не знала, но сейчас ей очень хотелось бы ощутить знакомый вкус.

После того, как она бродила по лесу целый день, Лорейн стало клонить в сон, стоило только присесть. По телу разлилась усталость, даже утреннее происшествие уже не вызывало никаких чувств. Ей было все равно, чем Роберт занимается по ночам, сама она сейчас мечтала лишь о сне.

Во втором кресле сидел Павел Алексеевич. Он очень распереживался, услышав о нападении тигра. Сперва хлопотал вокруг Лорейн, словно заботливый дядюшка, а теперь допи-

вал чай и, хмурясь, поглядывал на сына.

Роберт стоял у столика с самоваром и мрачно смотрел на служанку, принесшую чашки. Она налила третью чашку для него и удалилась. Только когда она наконец скрылась за дверью, он произнес:

– Лорейн, ты очень нас напугала. Как тебе могло прийти в голову одной, без оружия гулять в лесу?!

Лорейн глотнула чая и ответила:

– Боюсь, моя голова была занята другими мыслями, и это произошло само собой.

Роберт поджал губы. Даже интересно, рассказал ли он отцу, из-за чего она убежала?

– Прости, что огорчил тебя, – выдавил он.

Огорчил? Лорейн разрывалась между желанием расхохотаться и провалиться сквозь землю от унижения. Похоже, Павел Алексеевич всё-таки в курсе дела, потому что фраза прозвучала очень уж вымученно. Сын сказал это для него.

А Роберт продолжал:

– Наши леса опасны. Обещай больше не выходить за ворота в одиночку!

– А ты пообещай, – спокойно произнесла она, – что больше не станешь меня огорчать.

Он, кажется, даже зубами скрипнул. Но Лорейн краем глаза заметила, как улыбнулся Павел Алексеевич. Он поспешно стер улыбку, отставил свою чашку и медленно поднялся с места.

– Простите, я вас оставляю. Мне нужно ещё написать письмо.

Роберт нарочно не смотрел на него, нетерпеливо постукивая пальцами по столику. Уже у двери Павел Алексеевич обернулся.

– Прелестный цветок, Лора, – сказал он.

Лорейн сперва не поняла, о чем он говорит, но граф ответил на её недоумение:

– Шиповник у тебя в волосах.

Она машинально подняла руку и нащупала подвявшие лепестки. И как он удержался в причёске после таких приключений?

Когда Павел Алексеевич вышел, Роберт заявил:

– Это просто нелепо! Я и не думал, что ты способна на такую глупость!

Образ примерного сына рушился на глазах. У Лорейн с языка сорвалось:

– Могу сказать о тебе то же самое!

Лицо Роберта пошло красными пятнами.

– Нет, это совершенно разные вещи! Ты хоть понимаешь, что мы искали тебя весь день? Я поднял на ноги всех слуг и охотников!

Её кольнул стыд за то, что она побеспокоила столько людей своим желанием посидеть на берегу реки. Но перед ним ей стыдно не было.

– Ты ещё смеешь отчитывать меня!

– А почему бы и нет? – в его голосе появилась сталь. – Ты, должно быть, забыла, что я твой муж!

– Странно, что ты вспомнил об этом!

Лорейн заметила, что Роберт сжал кулаки. Она сама не знала, что на неё нашло. Должно быть встреча с тигром ода-рила её дерзостью! Ни с одним мужчиной она не посмела бы разговаривать подобным образом. Отцу она ни разу в жизни не перечила. Но Роберт не был похож на её отца, скорее – на двенадцатилетнего мальчишку, который хочет показать свою власть. Но у него нет на это права! До сегодняшнего дня Лорейн надеялась, что между ними может возникнуть чувство, стоит лишь сделать шаг навстречу друг другу – и тогда они обрели бы любовь и семейное счастье. Но теперь Роберт потерял её уважение навсегда.

Он уже взял себя в руки и произнес более спокойно:

– Я всего лишь пытаюсь сказать, что тебе стоит быть осторожнее. Ты не знаешь здешних мест. Ты могла заблудиться, или тигр мог добраться до тебя раньше, и никто бы не успел тебя спасти!

– Зато ты избавился бы от навязанной жены!

Младший Эрдман посмотрел на неё так, будто впервые увидел. У Лорейн возникло странное чувство, что он только сейчас разглядел в ней живого человека.

Но внезапно усталость накрыла волной, и сил продолжать пререкания не осталось. Лорейн решила, что самое лучшее сейчас – отправиться спать.

Она поднялась с кресла, но движение вышло слишком резким. Голова закружилась, и Лорейн покачнулась. Роберт вдруг подхватил её под руку. На миг их глаза встретились. Лорейн поняла, что Роберт помог ей машинально, не задумываясь, а теперь ему стало неловко. Она хотела освободить руку, но он сказал:

– Я провожу тебя.

Головокружение не до конца прошло, и Лорейн не стала возражать.

Всю дорогу на второй этаж они молчали. Но теперь Лорейн не выдумывала судорожно тему для разговора. Она прокручивала в голове события дня и строила планы на завтра.

Роберт размышлял о своем. Он так задумался, что чуть не прошел мимо комнаты. Испугавшись, что он сейчас потащит её в общую спальню, Лорейн остановилась.

– Благодарю, – прохладно бросила она. – Покойной ночи!

– Доброй ночи, Лора! – отозвался он.

Она проскользнула в свою комнату, но прежде чем закрыть дверь, обернулась.

Роберт так и остался задумчиво стоять в пустом коридоре.

Глава 5. Императорский тигр

Императорский тигр^{*2} – самый опасный хищник Приморья. Тигр охотится на крупных копытных животных, таких как изюбрь, пятнистый олень, косули, кабаны, лоси, так же может питаться мелкими млекопитающими. Мелких животных он убивает, перегрызая горло, а крупных сначала валит на землю и лишь затем перегрызает шейные позвонки. Часто нападает на людей, хотя никогда не занимается людоедством.

Арсений Клавдиевич Владимиров «Земли Приморья и их обитатели»

Лорейн шагала прочь от усадьбы, как и вчера, но на этот раз в сопровождении Даши – камеристка знала, где найти сторожку егеря. К тому же Лорейн не хотела опять устроить переполох и велела слугам предупредить Эрдманов, когда они проснутся, о своей прогулке.

В ранний час солнце уже взошло, но на дороге ещё не успела подняться пыль, а в траве на обочине блестела роса. Свежий утренний воздух пах цветущими травами. День обещал быть жарким, и Лорейн поняла, что выбрала правильную одежду: юбку с тонким подюбником и легкую светлую

² Вымышленный вид, который в нашем мире не существует. Прототипом королевского тигра является амурский тигр. Однако, то, что касается нападений на людей и легенды, не соответствует нашей действительности.

блузу.

Вскоре Даша указала на просеку, и Лорейн послушно свернула с дороги в лес. Они пошли по утоптанной дорожке, по бокам от нее трава была скошена. Камеристка то и дело опасливо оглядывалась по сторонам, то ли боясь встречи с хищником, то ли с самим егерем.

Впереди показалась крошечная, почерневшая от времени избушка. Когда они подошли ближе, из дома вышел егерь и вскинул ружье на плечо. Заметив приближающихся женщин, он замер.

Накануне Лорейн была в таком смятении, что не запомнила из его внешности ничего, кроме бороды. Теперь ей представилась возможность разглядеть работника получше.

У Ивана были густые каштановые волосы, взлохмаченные и нестриженные, уже убеленные сединой. Неухоженная борода закрывала большую часть лица, оставляя видимыми только глаза. Лорейн отметила, что неприметный костюм в серо-зеленых тонах: рубашка косоворотка с длинным рукавом и штаны, заправленные в поношенные военные сапоги, делали его самого едва ли не частью леса. Подойдя ближе, она разглядела, что сапоги хорошо начищены, должно быть, он берег их.

О военном прошлом говорила и выправка: хотя годы уже легли тяжелым бременем на его плечи и спину, Иван держался прямо и даже с некоторым достоинством.

Остановившись перед ним, Лорейн сказала:

– Доброе утро!

– Здоровьица, сударыня! – борода его шевельнулась, не сразу Лорейн поняла, что она улыбнулся. – Рад видеть вас в добром здравии.

У Лорейн на миг возникло странное ощущение, как будто она уже встречала этого человека раньше. Но она одернула себя: конечно, встречала – они виделись вчера!

– Я пришла поблагодарить тебя, – сказала она. – Вчера я так растерялась, что даже не сказала спасибо.

– Не беспокойтесь об этом, барыня. Вам повезло, что вы вообще разговариваете после встречи с тигром, – вновь усмехнулся в бороду егерь.

Тогда Лорейн достала из кармана заранее приготовленный для этой цели кошелек.

– Прими небольшое вознаграждение за честную службу, – протянула она его Ивану.

Но лицо егеря вмиг потемнело. Он отшатнулся, точно она предложила ему змею.

– Да что вы... Бог с вами, барыня! – махнул он рукой. – Что вы в самом деле...

Лорейн с удивлением видела, как краснеет его лицо. Что происходит? Работники никогда не отказывались от награды, тем более, что сейчас она была полностью заслужена. Что Лорейн сделала не так?

Она так и стояла с протянутым кошельком, чувствуя себя ужасно неловко.

– Бери, дурак! – вмешалась вдруг Даша. – Не обижай ба-
рыню!

Егерь глянул на неё, потом – на Лорейн, и наконец, крас-
ный как маков цвет, забрал кошелек.

– Благодарствую, – пробормотал он, опустив глаза. – Про-
стите, ради бога. Да только я это не для награды, так и знайте.

Лорейн испытала облегчение. Вот что его смутило!

– Я знаю, Иван, знаю! Совсем не хотела вас обидеть! – от
волнения она даже перешла на «вы». – Но ведь и простого
«спасибо» мало за спасение моей жизни.

Не поднимая глаз, Иван мял в руках кошель, словно хотел
ещё что-то сказать. Лорейн решила не смущать его больше.

– Ну что ж, мне уже пора...

Но тут егерь посмотрел ей в лицо и, словно решившись,
произнес:

– Позвольте, сударыня, чаем вас напоить?

Он покосился на свою избушку. После такого предложе-
ния вежливость требовала пригласить гостей в дом, но, как
видно, он смущался своего скромного жилища.

Лорейн заметила его колебания и собралась отказаться,
но снова вмешалась Даша:

– Да ты совсем ошалел, что ли? Пойдемте, сударыня, до-
мой!

Она даже легонько подтолкнула хозяйку за локоть в сто-
рону тропы, но Лорейн заявила:

– Спасибо, я с удовольствием выпью с тобой чаю.

Даша шумно вздохнула. А борода егеря вновь зашевелилась от улыбки.

– Благодарствую, сударыня! – обрадовался он и засуетился: – Места у меня в доме мало, но сейчас устрою как есть. Обождите немного!

И он направился к избушке.

Лорейн растерянно наблюдала, как он вытащил из дома выскобленный деревянный стол и поставил перед избушкой в тени черемухи. Затем принес две скамьи и пристроил рядом. Опустившись на одну из них, Лорейн продолжала следить за его приготовлениями. Вскоре он показался из дому с самоваром, присел на крыльце, надел на трубу самовара сверху сапог и, держа его за подошву, принялся плавно прижимать, а затем оттягивать, чуть придерживая снизу.

– Что это он делает? – изумленно спросила Лорейн у Даши.

Она, конечно, пила чай из самовара, но странный фокус с сапогом видела впервые.

– Так самовар раздувает, – объяснила та недовольно.

Как видно, дело это было непростое: егерь долго возился. Лорейн успела заскучать. А Даша все прохаживалась рядом с хозяйкой, разгоняя мошкарку, но наконец не выдержала:

– Вы поглядите, каков нахал! Нам теперь до вечера его дожидаться? Небось еще и за стол с вами сядет!

Лорейн взвесила про себя её слова. Светские условности не очень её беспокоили. Она не видела ничего дурного в том,

чтобы оказать егерю такую честь, если он считает это вознаграждением. Да и торопиться ей было сегодня некуда.

– Не переживай, Даша. Здесь никто не увидит. Ты ведь не расскажешь? – покосилась она на служанку.

– Я не скажу, – поджала та губы. – Да только негоже вам с крепостным за одним столом сидеть!

– Он же не крепостной! – удивилась Лорейн. – Крепостное право уже тридцать лет как отменили, разве нет?

– Все равно он вам не ровня! – не унималась Даша. – Зря вы согласились, еще возомнит о себе!

Лорейн только головой покачала.

Пока грелся самовар, на столе появилась нехитрая снедь: сухари, плошки с вареньем и тусок с кедровыми орехами. Даша взялась раскалывать их для хозяйки, а сама продолжала ворчать:

– Окромья сухарей и угостить нечем, а все туда же! И где только самовар раздобыл, убогий?

– Уймись, Даша! – беззлобно бросила Лорейн.

Она наслаждалась маслянистым вкусом орехов, а слова камеристки казались чем-то вроде жужжания мошек вокруг.

Наконец чай был готов. Иван подал гостье полную кружку, а потом в самом деле уселся напротив. Даша, стоявшая в стороне, нервно мялась на месте, но на неё никто не обращал внимания.

Кружка в руках Лорейн совсем не походила на привычный тонкий фарфор – шершавая, с толстыми стенками. Да

и молока к чаю у егеря не было. С опаской Лорейн сделала глоток. Внутри оказался не чай, а горячий отвар из трав. Во рту появился аромат земляники, а от боков кружки шло приятное тепло. Лорейн с наслаждением отпила еще.

Егерь пригубил свой напиток, а потом поднял глаза и спросил:

– Как вы находите наши края, сударыня?

Она взяла из миски сухарь, который Даша проводила подозрительным взглядом.

– Здесь очень красиво! – ответила Лорейн. – Просто потрясающая природа!

– Красиво-то оно красиво, не поспоришь, барыня. Да только красота здесь дикая, опасная, – заметил Иван. – Зря вы пошли в незнакомый лес в одиночку.

– Я, признаться, не подумала, что здесь могут быть хищные звери. В наших горах нет крупных хищников. Самое опасное животное, которое можно встретить – россомаха. Но она почти не нападает на людей.

Егерь поглядывал с интересом.

– Дома вы тоже бродили в одиночестве по лесу?

– Я люблю одиночество, но там у меня был верный друг – пес Лис. Мы с ним подолгу гуляли по берегу моря.

Лорейн кольнуло воспоминание о Лисе. Что с ним сейчас? Как он без неё?

Иван задумчиво умолк, не спеша продолжать беседу, и она задала мучивший её вопрос:

– Почему вчера ты не застрелил тигра?

Он сделал глоток и поставил кружку на стол.

– Это его владения, несправедливо убивать тигра за то, что он их защищает. Убийство – последнее средство защиты, а не единственная реакция на любого зверя.

Лорейн удивилась такому взгляду на животных. Её отец ни за что не позволил бы хищнику жить так близко от его имени!

– Ведь он едва не загрыз меня!

Иван ответил:

– Коли бы он собирался вас загрызть, так загрыз бы. Я прибежал слишком поздно: он уже набросился и повалил вас на землю. Но если бы хотел убить, то сразу вцепился бы в горло и рвал когтями. Но тигр передумал в последний момент. Потому вы остались живы.

– Но почему он передумал? – от волнения Лорейн подавалась вперед.

– Этого я не знаю, – ответил Иван.

– Но в другой раз он может напасть на кого-то еще!

Он снова взял кружку, отхлебнул и пробормотал:

– Выходит, что Павел Алексеевич так вам ничего и не рассказал...

– Не рассказал что? – У неё даже мурашки побежали по спине.

– Видать, придётся мне. Чтобы вы знали, с чем имеете дело.

Он снова глотнул «чаю». Лорейн даже дыхание затаила.
– У местных есть легенда, – завел рассказ Иван.

По легенде в этом краю некогда жил человек, звали его Жень Шень. Мог он превращаться то в животное, то в растение, то в человека. Был добр и весел, жил в мире с природой и всем помогал. Но прошло сто лет, и люди стали замечать, что живет он, но не стареет. И поговаривали, что ему известен секрет бессмертия.

Слухи о том дошли до ушей императора. Император велел доставить его во дворец. Испугался Жень Шень и обратился к матери-тайге с просьбой помочь ему.

Мать-тайга поняла своего сына и укрыла его от людской зависти, а в лесной чаще появилось растение с корнем необычайной волшебной силы. Будто бы мог тот корень исцелить любую болезнь, превратить в любого зверя или исполнить любое желание.

Да только император узнал о том и снарядил отряд, чтобы разыскать растение. Многие дни его солдаты прочесывали лес. Но ни один из них не вернулся. Тогда император сам отправился на поиски. По следам своих воинов нашел он заветный цветок. Но охранял его водяной дракон – хозяин рек. Стал сражаться с ним император, и бились они три дня и три ночи. Силен был дракон, но император его победил. Подошёл он к желанному растению и принялся его выкапывать. Но стоило императору коснуться корня, как он превратился в тигра. Вышли ему навстречу из зарослей

другие тигры – то были его воины.

С тех самых пор императорские тигры и водяной дракон ревностно охраняют растение, прозванное женьшенем, от чужих глаз. Только достойный человек с чистым сердцем, каким был сам Жень Шень, сможет приблизиться к корню.

Многие смельчаки искали его, не зная страха и усталости, но никто не нашел. А может быть, кто-то и добрался до женьшеня, но оказался недостойным и, как и император когда-то, стал тигром.

Иван немного помолчал, а затем произнес уже более будничным тоном:

– Каждый, кто селится здесь, приносит тиграм небольшую жертву, чтобы снискать их дружбу. Даже Павел Алексеич делал это, поэтому ему и его кровным родственникам нечего бояться. А вот вам не следует ходить в лес одной.

Лорейн не знала, что и сказать. Она не очень верила, что повстречалась вчера с человеком в обличье зверя, и все же решилась спросить:

– Значит, ты стрелял в воздух, потому что веришь, что тигры – это люди?

– Охота на императорских тигров запрещена законом и карается очень строго, – ответил егерь. – Но даже если бы Павел Алексеич избавил меня от тюрьмы, вход в лес мне был бы заказан.

– Почему? – несмело спросила Лорейн.

– Тигры отомстили бы мне.

Он продолжал потягивать отвар из кружки.

Пока они говорили, солнце поднялось высоко. Воздух наполнился запахом прелых трав. Высоко в кронах шумел ветер, а вдали отсчитывала срок кукушка. Лес жил своей жизнью, не обращая на людей никакого внимания. Лорейн подумала, что нет ничего удивительного в том, что егерь верит всерьёз в людей-тигров. Здесь так и хочется сочинять сказки!

Наконец чай был допит, недоеденный сухарь Лорейн оставила на тарелке и попрощалась с Иваном.

– Спасибо за угощение. И ещё раз благодарю за спасение! Если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится, ты всегда можешь рассчитывать на меня и на Роберта!

Егерь сдержанно кивнул. Лорейн и Даша отправились домой.

Едва избушка скрылась за поротом тропинки, как Даша, которая все время чаепития помалкивала, с плохо скрываемым недовольством произнесла:

– А на лошади мы бы уже обернулись.

Но Лорейн не слушала её. Она задумчиво смотрела вперёд, а потом спросила:

– Даша, кто он такой, этот егерь?

Служанка неодобрительно отвечала.

– Да бог его знает! Пришлый он, не с нашей деревни. Месяц назад прошлого пьянчугу выгнали, а тут он откуда ни возьмись явился. А больше и некому. Все-таки тигров боят-

ся.

Лорейн заметила её косой взгляд.

– А вы бы все-таки с ним поосторожнее. Уж больно любезничали.

– Больно? – не поняла Лорейн.

– Я говорю, что вы с ним за стол сели, и видно было, что он высказывается прямо, без почтения к вашему положению. Не довело бы такое панибратство до беды.

– Панибратство? – нахмурилась Лорейн на еще одно новое тусское слово.

Служанка только рукой махнула.

По возвращении Лорейн столкнулась с Робертом в холле. Неожиданно было застать его дома в такое время и в таком месте: он стоял, сложив руки на груди, возле вешалки для пальто. Он ждал её.

– Здравствуй, Роберт, – прохладно произнесла она, сняв шляпку и отдав ее камеристке.

– Кхм... Куда ты ходила? – не удосужившись ответить на приветствие, сказал он.

– Я хотела лично поблагодарить егеря Ивана за свое спасение.

– Что? Ты сама ходила к нему? – удивился он.

– Я люблю гулять, и со мной была Даша, – она надменно взглянула на мужа. – Не вижу здесь ничего особенного. Ес-

ли бы он тебя вырвал из лап тигра, ты бы тоже испытывал желание поблагодарить.

Роберт нахмурился и, кажется, хотел возразить, но внезапно изменил тему:

– Лора, если ты не очень устала, то не окажешь ли любезность прогуляться со мной в саду?

Лорейн удивилась такому предложению, но не подала вида.

– Да, конечно.

Как бы часто Лорейн ни бывала в саду, она все не могла им налюбоваться. Роберт молча шагал рядом, глядя, как она то и дело останавливалась возле очередной клумбы, чтобы понюхать яркий цветок или легко прикоснуться к нему пальцами. Теперь она знала по именам все растения здесь, ведь много расспрашивала Павла Алексеевича, и даже однажды побеседовала с садовником.

– У тебя дома не растут цветы? – наконец не выдержал Роберт, остановившись.

– Растут, – разглядывая пятнышки на лепестках тигровых лилий, ответила она. – Но не такие. И не так много.

– Понятно, – отозвался он.

Лорейн посмотрела на мужа.

– Тебя раздражает моё любопытство?

– Вовсе нет. Просто блуждания от одной клумбы к другой всегда казались мне бессмысленной тратой времени, – со скорбным лицом ответил он. – Эти цветы растут здесь толь-

ко потому, что отец щедро платит садовнику. На любой ближайшей сопке можно найти куда более интересные растения. А эти не имеют ничего общего с окружающей природой. Они не настоящие.

Лорейн задумалась над его словами.

– Ты не прав. Они растут, цветут и радуют глаз. То, что они высажены здесь человеком, не делает их менее живыми.

– Но они в опасном положении: стоит забыть об уходе на пару дней, и они погибнут, – хмыкнул он.

– Именно поэтому им нужен кто-то, кто позаботился бы о них.

Их взгляды встретились. Лорейн подумала, что их разговор был не только о растениях.

Роберт отвел глаза и жестом пригласил её присесть на скамью неподалеку. Это было излюбленное место Лорейн под яблоней.

– Я утром говорил с отцом, – произнес он, опустившись рядом с ней. – И он ясно дал мне понять, что я плохо исполняю свой долг наследника рода. Его не устраивает моё отношение к женатой жизни и к тебе. Даже пригрозил, что лишит меня наследства.

Его прямота обескуражила её. Что это: доверие или оскорбление?

А он продолжал:

– И не стоит забывать о том, что я должен осчастливить его появлением законных внуков.

– Полагаю, незаконные у него уже есть? – едко заметила Лорейн, гордо выпрямившись.

– Вот, что ты думаешь обо мне, – медленно проговорил он.

Она не удостоила его ответом, созерцая ближайший розовый куст.

– Лорейн, я должен извиниться перед тобой, – прозвучало куда искреннее, чем вчера. – Наша свадьба стала для меня неожиданностью, и я был страшно зол на отца за его вмешательство в мою жизнь. Кроме того, признаюсь, я думал, что ты только и мечтаешь об этом браке.

– Но это не так, – бросила она.

– Я уже понял. Поначалу я думал, что если брак не консумирован, то его можно объявить недействительным, и все отменить.

Это была правда. Неконсумированный брак можно признать недействительным. Но Лорейн с ужасом представила, что сказал бы на это её отец. Она резко обернулась к Роберту.

– А ты понимаешь, как это отразилось бы на моей репутации? Мой отец никогда не примет меня обратно! Такой страшный позор!

– Да, папа уже объяснил мне, – кивнул Роберт. – Так что, похоже, пути назад у нас нет.

Лорейн вдруг представила, в каком положении он оказался. Отец заставил его жениться, хотя Роберт был явно не готов к такому шагу. Да ещё навязал невесту, которая кажется

ему неподходящей. Это не оправдывает его поступков, но, похоже, он наконец осознал свою ответственность и хочет что-то изменить.

– Мне тоже нелегко было это принять, – сказала она.

Он взял её за руку.

– Лора, как ты думаешь, мы сможем начать все сначала, с чистого листа?

Ей стало неловко от его внезапной близости. Она хотела убраться руку, но словно одеревенела.

– Да, я бы хотела, но только если твое недостойное поведение не повторится.

– Разумеется, не повторится, – отозвался он. – Я обещаю.

Его лицо внезапно оказалось прямо перед ней. Лорейн удивилась тому, какие голубые у него глаза. А в следующий миг он наклонился еще ближе, его вторая рука легла ей на затылок. Роберт притянул ее к себе и поцеловал.

Не успев осознать, что делает, Лорейн оттолкнула его и вскочила на ноги.

– Что ты себе позволяешь! – вскричала она.

Лицо её так и горело. Роберт обескураженно смотрел на нее.

– Но Лора, я...

Она не дослушала и со всех ног бросилась в дом.

– Постой! – несся ей вслед оклик Роберта.

Глава 6. Сердечник пурпуровый

Сердечник пурпуровый – маленький, скромный, но необычный и редкий цветок. Он растет по сырым берегам речек и ручьев. Найти его нелегко, в этом деле нужен опытный проводник.

Арсений Клавдиевич Владимиров «Земли Приморья и их обитатели»

Следующие несколько дней этот поцелуй не шёл у Лорейн из головы. Роберт совершенно ничего не понимает! Какой грубый способ добиться её расположения!

Затем она вспоминала, что они женаты. Тогда она мысленно проклинала отца и Эрдмана-старшего за нелепый уговор, который поставил её в это дурацкое положение. Конечно, она замужем, и глупо требовать сдержанности от мужа, но воспитание не позволяет ей бросаться в объятия малознакомого мужчины!

Роберта, похоже, ее отпор оскорбил. Если раньше он безразлично отвечал на её реплики, то теперь и вовсе делал вид, что её нет. На следующий день за обедом Павел Алексеевич даже пожурил его за грубость.

Тогда утренние выезды Роберта на прогулку стали затягиваться, и он пропускал обед, перекусывая где-то в лесу. Лорейн даже стала жалеть, что так резко обошлась с ним. Ведь

могла быть более сдержанной и вежливой, поговорить с ним, а не убегать! Искорка доверия проскочила между ними и тут же угасла. Если бы не его поспешность...

Спустя неделю с досадного происшествия Лорейн возвращалась с очередной прогулки по саду с новыми рисунками. Рисовать цветы ей никогда не надоедало, но сегодня она попыталась изобразить кузнечика. На ее взгляд получилось весьма неплохо, поэтому Лорейн была очень собой довольна. Возле крыльца стоял экипаж, и она решила, что Павел Алексеевич вернулся из города, куда поехал с утра по делам. Погруженная в собственные мысли, Лорейн поднялась по лестнице и вошла в дом.

Но в холле столкнулась с веселой компанией, состоявшей из Роберта и двух его друзей. Гришка – вихрастый парень, бывший при Роберте и камердинером, и посыльным, и личным помощником – помогал подняться на ноги Алексею Боярнову, который сидел прямо на полу и хохотал. Роберт тоже заливался смехом, согнувшись пополам. Борис Вениаминов прикладывался к горлышку винной бутылки. Запах спиртного окутывал всю компанию так, что Лорейн сама едва не захмелела.

Нахмурившись, она решила проскользнуть мимо них незамеченной. Но ее остановил оклик Бориса:

- Добрый вечер, графиня! – Он отсалютовал ей бутылкой.
- Роберт услышал возглас и тоже повернулся к жене.
- Лора! Рад тебя видеть!

Она не могла сказать о себе того же, но поздоровалась:

– Добрый вечер! Не буду вам мешать, пойду к себе.

– Нет-нет, останься! – заявил Роберт. – Поужинай с нами!

Мы будем рады, если ты присоединишься! Верно, господа?

Борис улыбнулся, а наконец поднявшийся на ноги Алексей застыл с бессмысленной улыбкой. Похоже, он вообще не понимал, что происходит.

Лорейн колебалась. Роберт впервые сам пригласил разделить его общество со дня неудачного поцелуя. Но она не сомневалась, что источником такого добродушия был алкоголь.

– Простите, но я...

– Да ладно тебе! Идем в столовую! – широко улыбаясь, поманил Роберт. – Ты украсишь своим присутствием наше небольшое собрание!

– О, я уверен, что Лора украсит собой не только столовую, но и любую другую комнату в этом доме! – перебил Борис, ухмыляясь. – Кроме, разве что, спальни.

И он разразился взрывом хохота. Его поддержал Алексей, хотя вряд ли осознавал, о чем идет речь. Роберт глупо улыбнулся.

Зато Лорейн было не до смеха. Настолько откровенное оскорбление выбило у неё почву из-под ног. Она будто приросла к полу. Щеки мгновенно вспыхнули. Горячая волна прошла до самых кончиков пальцев.

– Лора, что с вами? – взглянул на неё Борис с притворным

беспокойством и обернулся к ее мужу. – Роберт! Кажется, графине нехорошо! Ты бы помог ей добраться *до постели!*

Он особо выделил последнее слово и вновь захохотал. Но на этот раз Роберт не разделил его веселья. Он нахмурился и взглянул на Лорейн, которая не могла выдать ни слова. На секунду он поймал ее взгляд и вдруг зло прошипел:

– Заткнись, Боря!

– Да брось, это же *невинная* шутка! – только засмеялся тот.

– Прекрати!

– Такая же невинная, как...

Роберт рванулся вперед и с размаху ударил друга в солнечное сплетение.

От удара у Бориса перехватило дыхание. Бутылка выпала из руки и покатила по полу, оставляя некрасивые красные пятна на полу, похожие на кровь.

Роберт подхватил Бориса за грудки и процедил:

– Совсем стыд потерял! А ну извинись перед Лорой!

Тот, судорожно хватая воздух ртом, выдавил лишь:

– Какого... Черта...

– Не смей оскорблять мою жену в моем доме! – прорычал

Роберт.

Борис резко оттолкнул его, вырываясь из хватки.

– Да ты же сам говорил... Сам начал... Идиот!

– Я сказал: извинись! – крикнул Роберт.

Но тот пошатнулся, а потом ударил Эрдмана в челюсть.

Тут Лорейн словно вышла из оцепенения. Она поняла, что

уже услышала и увидела достаточно. Не дожидаясь развязки и так и не сказав ни слова, она сорвалась с места и побежала к себе, крепко прижимая к груди планшет.

Только запершись в своей комнате, она дала волю слезам. Это были слезы обиды. Роберт обсуждает с друзьями их личную жизнь! Насмехается над ней за спиной! Как он мог! В голове бились слова Бориса: «Да ты же сам начал!»

Обида переросла в гнев. Горячая волна затопила сознание. Она ненавидит его! Ненавидит! В ярости Лорейн схватила с кровати подушку и принялась ее колотить. Но этого показалось недостаточно.

Она метнулась к потайной двери. Распахнув ее, Лорейн подбежала к необъятной супружеской кровати и принялась скидывать на пол подушки и одеяла. Стиснув зубы, она бросала их и била. Волосы растрепались и лезли в лицо, спина взмокла. Напоследок Лорейн сбросила тяжелую перину и, приподняв юбки, хорошенько пнула её ногой.

В этот момент дверца в комнату мужа открылась.

Увидев на пороге Роберта, Лорейн выпрямилась, вздернула подбородок и поджала губы. Говорить им не о чем! Не глядя на него, она направилась к распахнутой двери в свою комнату.

Но он проворно преградил ей путь к отступлению, встав между кроватью и дверцей. Нижняя губа у него была разбита, рубашка измята и выпростана из брюк.

– Лорейн...

– Уйди! Я не стану говорить с тобой! – вскричала она, отталкивая его.

Но Роберт устоял.

– Я выгнал этих свиней из своего дома!

– Мне нет никакого дела! – она пыталась проскользнуть мимо него, но он схватил её за руку.

Краем глаза Лорейн разглядела разбитые костяшки пальцев на правой руке. Почему-то от этого зрелища гнев немного отступил.

– Отпусти! – чуть спокойнее сказала она.

Но Роберт, наоборот, притянул её ближе, обхватил левой рукой за талию и прижал к себе. У Лорейн сбилось дыхание. Она не ожидала от него такой силы.

– Лора, я понял очень важную вещь, – негромко произнес он, вглядываясь в её лицо. – Ты – моя жена!

Оказавшись прижатой к нему, Лорейн почувствовала себя очень странно. Роберт был так близко, она слышала, как бьется его сердце, видела его горящие глаза. Его слова приятно щекотали что-то внутри. Вся её злость куда-то подевалась.

– Потрясающее открытие, – негромко проговорила она.

– Пора нам скрепить союз, – произнесли его губы, приближаясь.

И Лорейн подумалось, что он прав: она его жена, и стоит узнать наконец, каково целоваться по-настоящему. Но тут ей в нос ударил запах выпивки. Морок рассеялся. Увернувшись

от поцелуя, она выскользнула из объятий, которые Роберт опрометчиво ослабил.

– Ты отвратителен! – выкрикнула она и, громко хлопнув дверью, оказалась в своей комнате.

Там она закрыла задвижку, сама не зная, чего боится больше: что Роберт пойдет за ней или того, что готова была ему поддаться.

Но все было тихо. Роберт ее не преследовал.

Лорейн шла в библиотеку, куда пригласил её Павел Алексеевич. Она догадалась, что сейчас прозвучат увещевания о её холодности с Робертом. Ведь они не говорили друг с другом уже два дня. Эрдман-старший хорошо к ней относился, но все-таки беседа вряд ли выйдет приятной.

Лорейн с горечью думала, что Роберт показал ей себя во всей красе: эгоистичным, избалованным и порочным молодым человеком. Их отношения становились только хуже, и жизнь в доме Эрдманов казалась ей невыносимой. Лорейн не чувствовала в себе сил объяснять все это его отцу.

Но подойдя к библиотеке, она услышала из-за двери звенящий от гнева голос Роберта:

– Это несправедливо, папа! Что значит ограничивать расходы?

– Я сказал тебе ещё в прошлый раз, – голос Павла Алексеевича был спокоен, но тверд. – Жаль, что ты так ничего и не понял. Я женил тебя не для того, чтобы ты продолжал

вести разгульную жизнь!

– Вот именно! Женил! А меня ты спросил? – кричал Роберт.

– Речь сейчас не об этом. А о твоих карточных долгах. Я больше не намерен их оплачивать!

– Я же объяснил тебе! Я не желаю больше иметь ничего общего с Борисом Вениаминовым! Тем более быть у него в долгу!

– Тебе стоило бы подумать об этом до того, как садиться за игровой стол. Вместо того, чтобы просаживать своё состояние, съездил бы посмотреть, как идёт строительство вашего дома.

– Мне нет до этого дела!

– Тогда удели внимание жене.

Лорейн даже дыхание затаила.

– О-о-о! Не говори мне о ней! – взвыл Роберт. – Эта девица холодна, как ледышка! Она совершенно мне не пара!

Эти слова заставили Лорейн закусить губу от досады. Но она подумала: «Ты тоже мне не пара, глупый папенькин сынок!»

– Значит, ты вовсе не такой знаток женщин, каким себя считаешь, – говорил Павел Алексеевич. – Девушка милостива и умна, ее не пугают наши дикие места. Я уверен, что у вас гораздо больше общего, чем ты думаешь!

– Очень сомневаюсь! – скептицизм Роберта был слышен даже через дверь. – Не хочу ее даже видеть!

– Тогда тебе стоит уйти, потому что я жду её с минуты на минуту.

Лорейн отпрянула от дверей и огляделась по сторонам в поисках укрытия. Она совсем не хотела столкнуться с выходящим Робертом. Слева коридор поворачивал, и она ринулась туда. В крайнем случае сделает вид, что как раз идет в библиотеку.

Она сбежала очень вовремя: дверь библиотеки хлопнула, раздались гневные шаги, и, осторожно выглянув из-за угла, Лорейн увидела удаляющуюся спину Роберта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.